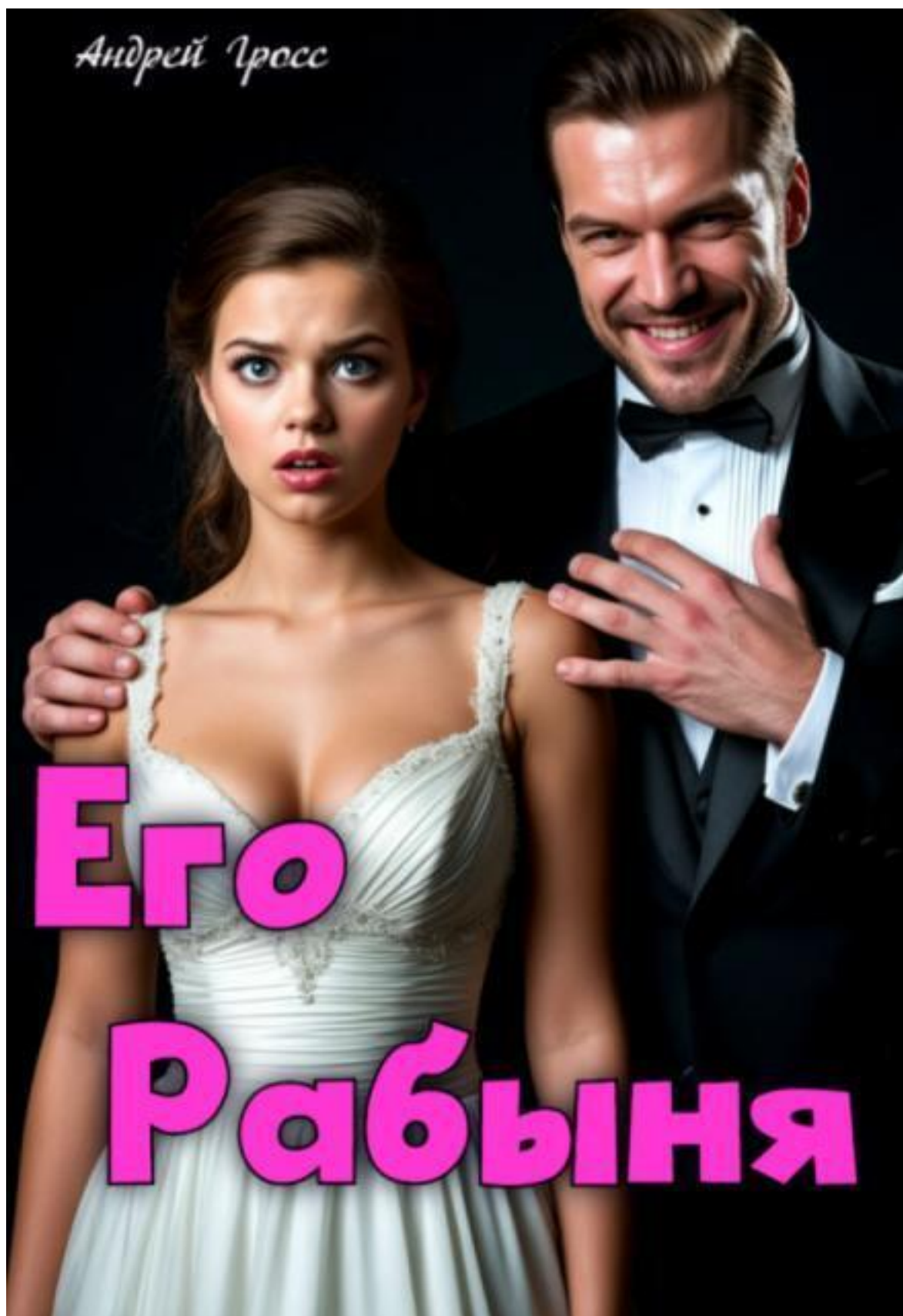

Андрей Гросс

Его Рабьяня

Андрей Гросс
Его Рабыня

«Литнет»

2025

Гросс А.

Его Рабыня / А. Гросс — «Литнет», 2025

♥#Жесковато получилось! Ну пусть так и останется! Мария часто представляла себя пленницей древних воинов. Воображала, как эти свирепые божества войны заставляют меня подчиняться их похотливым желаниям. Но то, что случилось со мной, оказалось гораздо более безумным, чем самые мои смелые фантазии.

© Гросс А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

МАРИЯ

Я взглянула на профессора и хоть я и максимально старалась чтобы это выглядело выражением академического интереса к его лекции, но, как я и опасалась, моё внимание к нему больше походило на неприкрытое вожделение. Его глаза стального цвета, казалось, проникали в самую глубину моей души, пока он говорил, а его низкий голос звучал властно и, как мне показалось, даже страстно. От этого я неловко поёрзала на стуле, остро ощущая, как жар разливается по моему телу.

«Исландские саги, — продолжил говорить профессор Аллен, — открывают нам уникальное окно в скандинавскую культуру. Это не просто исторические записи, а сложные повествования, наполненные интригами, насилием и, да,... даже откровенной сексуальностью».

При упоминании о сексуальности я почувствовала, как мои щёки вспыхнули. Я пыталась сосредоточиться на записях в своей тетради, но мои мысли постоянно улетали в сторону. Какими были бы эти большие, умные, но, несомненно, очень сильные руки на моей коже? Как бы его борода царапала мою шею, если бы он... Черт! О чем я вообще думаю?!

Я покачала головой, пытаюсь избавиться от этих мыслей. Это было просто нелепо. Я уже год училась на историческом факультете, но не испытывала ничего похожего на юношескую влюблённость. Однако здесь, во время семестра за границей, когда я была уже взрослее и должна была бы лучше понимать свои чувства, я не могла перестать думать об этом чертовом профессоре, который, как я была уверена, был почти вдвое старше меня. Но что-то в профессоре Аллене ...отчаяно и настойчиво зывало ко мне, точнее к той части меня, которую я ещё не могла или, возможно, не хотела себе замечать.

Возможно, дело было в том, как здорово было находиться здесь, на Скандинавском полуострове., и понимать каждое слово из лекции профессора Аллена — вплоть до того, что я могла различить его лёгкий, восхитительно экзотический скандинавский акцент. Конечно, мой собственный английский акцент всё равно выдавал меня, и каждый раз, когда я пытался следить за разговорами моих новых друзей, я терялась уже после второго предложения. Однако искренняя радость от возможности понимать и излагать сложные идеи на новом для меня языке, вероятно просто опьянила меня, и заставила меня подумать, что я влюблена в этого, по всеобщему признанию, великолепного мужчину.

Лекция всё продолжалась, и я ловила каждое его слово, не только из-за захватывающего содержания, но и из-за богатого тембра его голоса. Когда он описывал жестокие набеги викингов, я почувствовала запретный трепет. Это было так близко к правде, но... каково было бы оказаться захваченной в плен будучи молодой женщиной, отданной на милость такого могущественного воина?

Я представила себя в то далекое от нас время. Девственница, захваченная в набеге викингов. Я поёрзала на стуле. Я не была особенно рада своему девственному статусу, но университетская система с её возвращением к традиционным гендерным ролям не позволяла даже такой восемнадцатилетней девушке, как я, что-то с этим сделать.

Урок закончился слишком быстро. Пока остальные ученики расходились, я медлила, набираясь смелости. Моё сердце колотилось, когда я подошла к его столу.

— Профессор Аллен? — выдавила я, и мой голос прозвучал хриплее, чем я хотела. — Я хотела бы поговорить с вами о потенциальной теме для моей дипломной работы.

Он посмотрел на меня, и его пронизывающий взгляд, казалось, видел насквозь мои жалкие оправдания. «Мария, не так ли? Конечно. У меня консультации завтра во второй половине дня».

— Я надеялась... — Я с трудом сглотнул, едва веря в свою смелость. — Я надеялся, что мы сможем обсудить это раньше. Может быть... сегодня вечером?

Что-то мелькнуло в его глазах — удивление? Интерес? — прежде чем его лицо приняло осторожное нейтральное выражение.

— Сегодня вечером я задержусь на работе. Если вы хотите зайти ко мне в офис около семи, мы можем обсудить ваши идеи.

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на то, как участился мой пульс при мысли о том, что я останусь с ним наедине.

— Спасибо, профессор. Тогда увидимся вечером.

* * *

Я оказалась в коридоре, где царила пугающая тишина. Мои шаги эхом отражались от полированного пола. Из-под двери кабинета профессора Аллена пробивался единственный луч света, словно маяк в темноте. Моё сердце учащённо билось, а внутри меня бурлили предвкушение и волнение.

Я подняла руку, чтобы постучать, но прежде чем мои пальцы коснулись двери, она распахнулась.

В одно мгновение всё изменилось. Сильные руки схватили меня и затащили внутрь. Я успела заметить книжные полки, стулья и старый письменный стол, но прежде чем я успела вскрикнуть от ужаса, мне в рот затолкали что-то твёрдое и жёсткое, заполнившее всю полость. Это был кожаный кляп.

Паника охватила меня, когда я попыталась закричать, но издала лишь приглушённые всхлипы.

— Ну, тихо, тихо, детка — голос профессора Аллена, обычно такой сдержанный, теперь звучал угрожающе. — Успокойся.

Он заломил мне руки за спину, и грубая верёвка впилась в мои запястья, когда он туго их связал, так быстро что я не успела понять как оказалась связанной.. Я сопротивлялась скорее инстинктивно, чем в надежде на спасение. Его хватка была железной, неумолимой и непреклонной.

Меня накрыла темнота, когда на голову надели капюшон, полностью лишив меня зрения. Ткань была плотной, слегка пахла кожей и каким-то мускусным ароматом, который я не могла определить. В качестве компенсации обострились другие мои чувства: я слышала шорох одежды, чувствовала тепло, исходящее от его тела, пока он вёл меня через комнату.

Он толкнул меня на что-то похожее на стул, и его большая рука легла мне на плечо, удерживая меня на месте. Я дрожала, страх и смятение боролись с неприятным возбуждением. Что происходит? Почему он это делает?

Тишину разорвал звук набираемого номера. Затем раздался голос профессора Аллена, но не на том языке, который я знал. Слова лились, как вода, ритмично и мелодично, несмотря на серьёзность его тона. Норвежский? Шведский? Я не была уверен, но какие-то скандинавские нотки были очевидны.

Я напряжённо вслушивалась в отдельные слова, пытаюсь понять, что происходит, но это было бесполезно. Разговор продолжался, отрывистый и резкий. Среди иностранных слогов я уловила что-то похожее на своё имя — «Мария», — и меня охватил новый приступ страха.

О черт! Что со мной? И почему, несмотря на весь мой ужас, я чувствую какое-то извращённое возбуждение от того, что я полностью в его власти?

Мои мышцы напряглись, когда я собралась с духом, готовясь к отчаянной попытке побега. Внезапно прилив сил заставил меня вскочить со стула, и мои связанные руки беспомощно зашарили за спиной. На мгновение мне показалось, что я могу вырваться на свободу.

Эта надежда быстро угасла, когда профессор Аллен железной хваткой вцепился в моё плечо, с лёгкостью вдавливая меня обратно в кресло. Его пальцы впились в мою кожу, и даже сквозь ткань блузки я почувствовала жар его тела.

— Повинуйтесь мне, Мария, — прорычал он по-английски низким и опасным голосом. — Если вы хотите себе добра, сидите смирно и делайте в точности то, что я вам говорю.

От его слов меня пробрала дрожь. К моему ужасу, это был не только страх. Моё тело предало меня, и между ног разлилось тепло, несмотря на панику в животе. Я заёрзала на стуле, смущённая своей реакцией.

— П-пожалуйста, — попыталась я прохныкать сквозь кляп, но слово вышло не более чем приглушённым криком. — Отпусти меня...

Вместо ответа профессор Аллен схватил меня за руку. Одним плавным движением он сел и положил меня к себе на колени. Я оказалась согнута над его коленями, моя задница была беззащитно приподнята в воздухе. Моя юбка задралась, и я оказалась в одних тонких хлопковых трусиках.

— Тебе нужно знать своё место, малышка, — сказал он, и теперь его акцент стал более заметным, почти гортанным. — Считай это кратким введением в то, как викинги обращались с девушками, которых они захватывали для использования как сучек в походах раскладывая их на скамьях для гребцов.

Прежде чем я успела осознать его слова, его рука резко опустилась на мою вздёрнутую попку. Резкий шлепок плоти о плоть эхом разнёсся по тихому кабинету. Я взвизгнула в кляп, скорее от удивления, чем от боли. Но затем он ударил снова и снова, и каждый шлепок был сильнее предыдущего.

Жжение быстро усиливалось, распространяясь по моим ягодицам и бёдрам. На глаза навернулись слёзы, впитываясь в ткань капюшона. Я извивалась и дёргалась, пытаюсь избежать безжалостного натиска, но другая его рука крепко удерживала меня на месте.

— Это ничто по сравнению с тем, что сделали бы с тобой эти свирепые викинги, — нравоучительно произнёс профессор Аллен, сопровождая свои слова хлесткими ударами. — Они брали то, что хотели, присваивали себе женщин как добычу после жестоких набегов. А такие хорошенькие телочки, как ты, были их призами, за которые нужно было состязаться даже между собой и которыми можно было потом наслаждаться долгими северными ночами.

К своему ужасу, я почувствовала, что с каждым ударом становлюсь всё более влажной. Боль сменилась каким то туманным удовольствием, воспламеняя нервные окончания, о существовании которых я у себя не и подозревала. Мои бёдра начали двигаться сами по себе, уже не пытаясь вырваться, а почти... ища его карающую руку.

— Вот так, — пробормотал он низким голосом. — Покажи мне, какой хорошей наложницей ты будешь.

Порка всё продолжалась, и каждый удар посылал по моему телу волны боли и постыдного удовольствия. Я потеряла счёт времени, погружившись в туман ощущений. Моя попа горела, жжение распространялось по коже, как лесной пожар. Слёзы текли по моему лицу, пропитывая ткань капюшона, пока я кричала в кляп. Звуки были приглушёнными, но эмоции, которые они вызывали, казались ещё сильнее, потому что этот мужчина лишил меня голоса и воли.

Как раз в тот момент, когда я подумала, что больше не выдержу, когда боль вытеснила все следы возбуждения, рука профессора Аллена замерла. Я лежала, тяжело дыша и дрожа, моё тело напряглось в предвкушении. Что он сделает дальше?

Я почувствовала его пальцы на поясе своих трусиков, и меня охватила новая волна паники. Конечно, он не станет... Затем я ощутила прохладу на своей разгорячённой коже, когда он нарочито медленно стянул их вниз. Я заёрзала, пытаюсь свести ягодицы вместе, но его сильные руки легко раздвинули их.

— Надо же, — пробормотал он, и в его голосе слышалось веселье и что-то более тёмное, похожее на голод, от чего меня бросило в дрожь. — Что это у нас тут?

Я ощутила, как его пальцы нежно коснулись моих половых губ. Я почувствовала, как моё лицо залилось краской, и испытала странное чувство благодарности за то, что он не видит этого моего смущения. Несмотря на страх и боль, моё тело предательски отозвалось на его прикосновение. Я была в ужасе от того, насколько я стала влажной.

— Какая милая маленькая киска, — продолжал профессор Аллен, с раздражающей медлительностью исследуя её пальцами. — И посмотри на эти очаровательные рыжие волосы. Они идеально сочетаются с розовым цветом твоей киски

Я всхлипнула, сдерживая стоны, испытывая одновременно стыд и возбуждение. Его пальцы нашли мой клитор и начали ласкать его с профессиональной точностью, и я не смогла сдержать реакцию своего тела — выгнулась навстречу его руке.

— Конечно, нам придётся это сбрызнуть, — сказал он как ни в чём не бывало, словно речь шла о чём-то обыденном. — Это важный урок покорности. Чтобы твоё тело подчинялось моим приказам... прежде чем я сделаю из тебя ту, кем я хочу тебя видеть.

Его слова должны были напугать меня, заставить сопротивляться ещё сильнее. Но вместо этого я почувствовала извращённое удовольствие от мысли о том, что буду подчиняться его воле. Что со мной происходит? Он что заколдовал меня?

— Тебе ведь это нравится, не так ли, малышка? — Голос профессора Аллена был каким-то понимающим, и почти самодовольным. — Готов поспорить, ты часто играешь с собой. Это так, Мария? Ты ведь трогаешь себя в душе, представляя себе подобные сценарии с мужчиной старше тебя?

Я отчаянно замотала головой, отрицая это, но мои бёдра выдали меня, бесстыдно прижимаясь к его руке. Но он был прав. Каждое утро в душе я позволяла своим рукам блуждать, представляя, как меня обнимают сильные руки, как низкий голос, такой как у него, приказывает мне... Я никогда раньше не придавала этим фантазиям образ какого-то определенного мужчины, и мой разум сопротивлялся этому даже сейчас, но его голос, к моему ужасу, подходил под мои эротические фантазии.

— Не лги мне, маленькая сучка! — прорычал он. — Такой девушке, как ты, воспитание не позволяет искать собственного удовольствия... Я знаю правду. Ты сейчас кончишь для меня, и тогда ты начнёшь понимать свои потребности.

Его слова пронзили меня, словно нож, обнажая правду, которую я так старательно пыталась скрыть даже от себя. Пока его пальцы творили волшебство с моей киской — так он её назвал? В моей голове это звучало так грязно, что воспоминания нахлынули непрошено. Да, когда вокруг меня поднимался пар, я трогала себя каждое утро. Горячая вода, стекающая по моему телу, становилась лаской воображаемых любовников. Мои пальцы кружили по моей груди, дразня соски до твёрдости, прежде чем спуститься ниже, ниже...

После этого я всегда чувствовала себя такой виноватой. Моё строгое ирландско-католическое воспитание противоречило естественным желаниям моего тела. Я яростно тёрлась мочалкой, как будто могла смыть стыд вместе с признаками своего возбуждения. Но на следующий день всё начиналось заново.

Теперь, склонившись над профессором Алленом, я больше не могла отрицать эту правду. Моё тело пело под его умелыми прикосновениями, реагируя так, как я могла только мечтать. Его пальцы танцевали на моём клиторе, оказывая именно такое давление, которое заставляло меня вспыхивать от удовольствия.

Затем, к моему ужасу и беспомощному восторгу, я почувствовала, как он спускается ниже. Его большой палец обвёл мой анус, оказывая лёгкое, но настойчивое давление. Я никогда

не осмеливалась трогать себя там, даже в самые страстные моменты самоисследования. Это ощущение казалось чуждым, запретным..... и невероятно возбуждающим.

— Вот так, — пробормотал он низким голосом, который, казалось, вибрировал во всём моём теле. — Отпусти свой стыд, малышка. Покажи мне распутную шлюшку, скрывающуюся за этой чопорной внешностью пай-девочки.

Его грубые слова должны были оскорбить меня, но вместо этого они лишь разожгли огонь, разгорающийся в моём теле. Я бесстыдно тёрлась о его руку, стремясь к удовольствию, которое, казалось, было так близко. Кляп заглушал мои стоны, но я слышала, как издаю отчаянные, страстные звуки, на которые никогда не думала, что способна.

Двойная стимуляция его пальцами моего клитора и дразнящее давление на мой анус быстро стали невыносимыми. Напряжение нарастало всё сильнее и сильнее, как пружина, сжатая до предела. А затем, после особенно умелого движения его пальцев, всё рухнуло.

Оргазм обрушился на меня, как приливная волна, более сильный, чем всё, что я когда-либо испытывала, когда была одна в душе. Моё тело содрогалось, мышцы сжимались и разжимались, а волны удовольствия расходились от моего лона. Я кричала в кляп, слёзы экстаза смешивались со слезами стыда и замешательства.

И всё это время пальцы профессора Аллена не прекращали своего безжалостного натиска. Он довёл меня до пика наслаждения и даже дальше, пока я не превратилась в дрожащее, сверхчувствительное существо у него на коленях. Только тогда его прикосновения стали нежными, почти успокаивающими, когда он гладил мою трепещущую плоть.

— Хорошая девочка, — пробормотал он, и, несмотря ни на что, я почувствовала прилив гордости от его похвалы. — Это только начало того, что ты испытаешь, став моей рабыней.

Когда отголоски моего оргазма утихли, а тело всё ещё дрожало от остаточного удовольствия, я услышала резкий стук в дверь. Прежде чем я успела осознать, что происходит, и даже вспомнить, что сомной произошло, я почувствовала, как сильные руки профессора Аллена обхватили меня за талию. С поразительной лёгкостью он поднял меня, словно я весила не больше перышка, и одним плавным движением перекинул через своё широкое плечо.

К моему крайнему ужасу и жгучему стыду, я почувствовала, как во мне вспыхнуло новое возбуждение от того, что он так легко со мной обращается. Моя всё ещё чувствительная киска пульсировала, прижавшись к его мускулистому плечу. Я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую блузку, вдыхала пьянящий аромат его одеколona и мускусный запах его кожи. Это было первобытно, по-звериному, и это говорило с какой-то глубокой, скрытой частью меня, о существовании которой я даже не подозревала.

Я услышала, как открылась дверь, и скрип петель показался невероятно громким в напряжённой тишине. Затем раздался голос профессора Аллена, но не по-английски. Слова лились как мёд, ритмичные и музыкальные, несмотря на властный тон. Это был тот же язык, который он использовал в разговоре по телефону, — исландский? Датский? Я много едила по Европе, но нигде не слышала что бы так говорили.

Ему ответили сразу два мужских голоса, их интонации были одинаково уверенными и непринуждёнными, как будто увидеть связанную девушку с кляпом во рту, перекинутую через плечо их собеседника, было для них самым обычным делом. Я напряжённо вслушивалась, пытаясь разобрать отдельные слова, чтобы хоть немного понять, что происходит, но это было совершенно бесполезно. Незнакомые слоги омывали меня как приятный ветерок, они были очень красивые, но совершенно мне непонятные.

Я чувствовала себя совершенно беспомощной, полностью отданной на милость этих мужчин. Рациональная часть моего сознания кричала от ужаса, призывая меня бороться, сопротивляться, сделать хоть что-нибудь. Но у моего тела были другие предательские планы. Каждое движение плеча профессора Аллена посылало маленькие разряды удовольствия от моей матки

к перевозбуждённому клитору. От той силы, с которой он так легко удерживал меня, я чувствовала себя маленькой, женственной и до унижительного ощущения нуждающейся в защите.

Разговор продолжался, трое мужчин общались на загадочном скандинавском языке. Я снова услышала имя, похожее на «Мария», произнесённое с таким акцентом, что я чуть не потеряла сознание от страха. Среди иностранных слов, которые вызвали у меня новый прилив страха и волнения, я услышала своё имя.

Что они говорили обо мне? Какие планы они строили на мой счёт?

Я почувствовала, как рука профессора Аллена легла на мою ягодицу, которая всё ещё горела от его шлепка. Его прикосновение было собственническим, но в то же время небрежным, как будто я была частью собственности, которую можно обсуждать и трогать по своему усмотрению. И несмотря на мой страх и замешательство, я почувствовала, как беспомощно выпгибаюсь навстречу его прикосновениям, стремясь к большему запретному контакту, как будто всё это было игрой, а не опасной реальностью похищения.

Профессор Аллен быстро понёс меня по коридору. Я чувствовала, как его длинные шаги преодолевают расстояние, и слышала, как его шаги и шаги его спутников едва слышно доносились до меня сквозь ткань капюшона. Ткань его рубашки тёрлась о мои голые бёдра, постоянно напоминая о моём уязвимом положении. Моё сердце колотилось в груди, от смеси страха и нежелательного возбуждения у меня кружилась голова.

Когда мы вышли из здания, прохладный ночной воздух коснулся моей кожи, и по обнажённым участкам тела побежали мурашки. В уши ударили звуки города: отдалённый шум машин, шорох листьев, эхо шагов по тротуару. Я отчаянно молилась, чтобы кто-нибудь, хоть кто-нибудь заметил моё бедственное положение.

С новой решимостью я закричала, несмотря на кляп. Звук получился приглушённым и слабым, едва слышным даже для моих собственных ушей. И всё же я пыталась снова и снова, пока горло не начало саднить от напряжения. Неужели никто не услышит, не поймёт, что что-то не так?

Но помощи не последовало. Вместо этого я услышала характерный звук открывающейся двери фургона. Прежде чем я успела осознать, что происходит, я почувствовала, как меня отрывают от профессора Аллена. На краткий, ужасающий миг я зависла в воздухе. Затем я больно приземлилась на что-то похожее на металлический пол автомобиля, от удара у меня перехватило дыхание.

Я лежала, оглушённая и измученная болью, и слышала, как мужчины вокруг меня забираются в фургон. Они говорили тихо, всё ещё на этом непонятном скандинавском языке. Дверь захлопнулась с такой силой, что у меня свело живот.

Двигатель взревел, и я почувствовала, как машина тронулась с места. Пока мы отъезжали от университета — от безопасности, от всего, что я знала, — я не могла не думать о том, что может ждать нас впереди. В моей голове возникали образы драккаров викингов, свирепых воинов, уводящих захваченных в плен женщин. Это было похоже на то, о чём рассказывал профессор Аллен, только в реальной жизни.

Движение фургона толкнуло меня, и я с трудом удержалась на гладком металлическом полу. От каждой встряски и поворота я скользила, не в силах контролировать собственное тело. Капюшон на моей голове, казалось, становился всё теснее, мешая дышать. Паника сдавливала мне горло, грозя поглотить меня.

Несмотря на страх и моё униженное недоумение, своенравная, фантазирующая часть меня — голос в моей голове, который отказывался замолкать, — ликовала от опасности, и от ощущения полного бессилия. Когда фургон увёз меня в неизвестность, я беспомощно погрузилась в фантазию. В своём воображении я больше не была Марией, студенткой, получающей стипендию на историческом факультете. Я стала ирландской девушкой из далёкого прошлого, которую захватили в плен викинги и увезли в новую жизнь, полную унижительного рабства,

— как будто это унижительное существование... это сексуальное рабство... представляло собой какое-то безумное приключение.

Рациональная часть моего сознания кричала мне, чтобы я боролась, сопротивлялась. Но пока фургон ехал в ночи, я всё глубже погружалась в безумную фантазию.

Голос профессора Аллена прервал мои размышления, вернув меня в реальность.

— Возможно, это противоречит вашим современным ценностям, но важно понимать, что вы должны быть польщены тем, что принадлежите воину, как теперь принадлежите мне.

На мгновение я попыталась соотнести его слова с реальностью. Мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы осознать, что он говорит по-английски. Я настолько погрузилась в свои фантазии о том, что я средневековая пленница, что его слова о современном мире показались мне шокирующими. Я заморгала под капюшоном, пытаюсь сориентироваться.

— Ты — часть древней традиции, — продолжил он, и от его акцента у меня по спине пробежали мурашки. — На протяжении веков таких молодых женщин, как ты, выбирали, забирали, наслаждались ими — и таким образом превращали в нечто большее, чем они могли себе представить.

Его рука нашла мою ногу, пальцы выводили узоры на моей обнажённой коже. Я вздрогнула от его прикосновения, внутри меня закружилась слишком знакомая смесь страха и желания.

— Скоро, малышка, ты узнаешь много нового о том, что значит быть викингом, — голос профессора был низким, почти гипнотическим. — Старые обычаи не исчезли. Просто большинству людей так казалось, потому что истинные викинги сохранили нашу культуру в тайне от них.

Пока он говорил, я почувствовала, как фургон замедлил ход, а затем остановился. Двигатель заглох, и мы погрузились в жуткую тишину. Моё сердце колотилось так громко, что я была уверена, что все это слышат.

Сильные руки обхватили меня, легко подняв в воздух. Я снова почувствовала его запах. Аллена. Я больше не могла думать о нём как о профессоре. Я теперь воспринимала его как желанного мужчину.

Я почувствовала, что меня несут, и от этого движения у меня закружилась голова в тесном капюшоне. Воздух изменился, стал прохладнее и влажнее. Эхо наших шагов подсказывало, что мы находимся в каком-то большом открытом пространстве.

До меня доносились голоса — мужчины говорили на том же скандинавском языке, их интонации были уверенными и непринуждёнными. Но были и другие голоса, женские, быстро говорившие по-французски. Они звучали так же, как и мой — испуганно, как и я. У меня кровь застыла в жилах, когда я поняла, что здесь есть и другие девушки, другие жертвы, такие как и я.

Моё сердце бешено колотилось, пока я пыталась разобраться в какофонии слов вокруг меня. Прохладный влажный воздух лип к моей коже, и я невольно задрожала. Внезапно сквозь шум прорвался мужской голос, говоривший по-французски с акцентом.

— Снимай с себя одежду. Всю. Быстро.

Его тон был таким же холодным, как и температура воздуха вокруг. Я услышала, как молодая женщина ответила, умоляя его на французском.

Её голос дрожал от страха и стыда. Я почти физически ощущала её ужас, который теперь отражался в моём собственном страхе.

Ответ мужчины был резким и безжалостным.

— Ты сделаешь то, что тебе говорят, девочка, или почувствуешь на себе кнут. Это больно. Твоя скромность здесь никого не интересует. Раздевайся. Быстрее.

Я услышала сдавленный всхлип, затем шорох ткани. Моё воображение нарисовало яркую картину этой сцены: испуганная молодая женщина, вероятно, не старше меня, вынуждена обна-

жаться перед этими странными, опасными мужчинами. Я задрожала, испугавшись, что вскоре меня постигнет та же участь.

Внезапно я почувствовала, как Аллен положил руки мне на плечи и твёрдо поставил меня на ноги. На мгновение мир закружился, пока я пыталась восстановить равновесие после того, как меня так долго несли на руках. Успокоившись, я стала более остро ощущать присутствие других молодых женщин вокруг меня. Я чувствовала тепло, исходящее от их тел, слышала тихое дыхание и приглушённые всхлипывания.

Без предупреждения Аллен потянулся к моей голове. Одним быстрым движением он снял с меня капюшон. Внезапный поток света, хоть и тусклого, ослепил меня. Я быстро заморгала, глаза заслезились, пока они привыкали к свету. Я почувствовала, как его сильные руки развязывают верёвку, связывающую мои руки. Затем он ловко развязал кожаный кляп и вытащил его у меня изо рта.

Когда зрение прояснилось, я обнаружила, что стою в каком-то импровизированном загоне. Толстые канаты, которые можно увидеть на корабле в дольбортов, образовывали вокруг нас круг, подвешенный на деревянных столбах. Пространство за ними было тёмным, но я могла различить смутные очертания каменных стен. Похоже, мы находились в какой-то подземной комнате или пещере.

Меня поразило то, что я увидел. Пять молодых женщин стояли передо мной, и их лица выражали такой же страх и растерянность, как и моё. Четыре из них были полностью обнажены, их руки безвольно лежали на телах, словно пытаясь прикрыть их. Пятая, миниатюрная брюнетка со слезами на щеках, пыталась снять бюстгальтер, её пальцы дрожали, пока она пыталась расстегнуть застёжку.

Я не могла отвести взгляд, моё лицо горело от смеси стыда и нежелательного возбуждения. Эти женщины были прекрасны, их тела казались бледными и уязвимыми в тусклом свете. Я видел мурашки на их коже, видел, как затвердели их соски от прохладного воздуха. Мой взгляд был прикован к треугольникам волос между их бёдрами, хотя от этого непристойного зрелища моё лицо сильно покраснело.

Затем я услышала голос Аллена и поняла, что он скажет, ещё до того, как он это произнёс.

— Мария, ты тоже. Как и твои новые сёстры. снимай всю одежду..

Я повернулась к Аллену, надеясь увидеть в его взгляде хоть каплю сострадания. Но когда наши взгляды встретились, я увидела лишь суровую решимость. Его челюсть была напряжена, а голубые глаза смотрели твёрдо и непреклонно. Он больше не напоминал того очаровательного профессора, который покорила меня своими лекциями. Теперь передо мной был воин, завоеватель, человек, привыкший к безоговорочному подчинению.

— Я не буду повторять, Мария, — сказал он низким, рычащим голосом. — Раздевайся. Сейчас же.

Мои руки дрожали, когда я потянулась к пуговицам на своей голубой блузке, которую надела, надеясь соблазнить его. Мои щёки пылали от осознания собственной глупости. От страха и адреналина мои пальцы двигались неуклюже. Ткань соскользнула с моих плеч и упала к ногам. Я задрожала от пронизывающего холода.

Я слышала, как другие девушки вокруг меня быстро говорили по-французски. Их голоса были тихими, но настойчивыми, полными страха и замешательства.

— Кто-нибудь знает, кто эти люди? — спросила одна из них дрожащим голосом.

— Зачем они нас забрали? Чего они хотят? — вмешался другой.

— Я просто шла домой из библиотеки, — всхлипнула третья девушка. — Как они меня нашли?

Я изо всех сил старалась понять их разговор, но мой французский, хотя и был достаточно хорош для академических дискуссий, не поспевал за их быстрой, эмоциональной речью. Я улавливала лишь обрывки их ужаса и смятения, которые отражали мои собственные чувства.

Когда я потянулась за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер, я услышала, как одна из девушек спросила: «Они нас убьют?»

От этого вопроса у меня по спине пробежал холодок. Я даже не рассматривала такую возможность. Мой разум был так сосредоточен на немедленном унижении, связанном с раздеванием, на сбивающей с толку смеси страха и возбуждения, что я не думала о том, что может произойти потом.

«Это просто какая-то извращённая игра», — сказал я себе, с трудом сглотнув. К тому же они приложили столько усилий, чтобы привести нас сюда... зачем им причинять нам вред?

Мой бюстгальтер упал, и я инстинктивно скрестила руки на груди. Я чувствовала на себе взгляд Аллена, оценивающий, голодный. Мне хотелось прикрыться, спрятаться от его взгляда, но его лицо — и ноющая боль в моей заднице — ясно давали понять, что прятаться бесполезно.

Дрожащими руками я одним движением спустила юбку и трусики и быстро вышла из них. Я стояла совершенно голая, чувствуя себя более открытой и уязвимой, чем когда-либо в жизни. Воздух вокруг меня казался густым, наполненным запахом страха и древним, тёмным ароматом, который я ассоциировала с подземельями средневековых замков — чувственным признаком невидимого подземного мира.

Я услышала вздохи и перешёптывания других девушек. Я поняла, что они смотрят на меня, на мои рыжие волосы — волосы, которые делали меня для них другой, экзотической. Я почувствовала, как моё лицо вспыхнуло от стыда, а румянец распространился по шее и груди.

— Посмотри на меня, Мария, — приказал Аллен.

Медленно, неохотно я подняла на него взгляд, чувствуя, как горят мои щёки, пока его глаза блуждали по моему обнажённому телу. Его взгляд казался голодным, собственническим, заставляя меня чувствовать себя куском мяса на витрине. Однако, несмотря на стыд и страх, к своему ужасу, я снова ощутила это запретное волнение; что-то в том, что я была обнажена перед ним, вызывало у меня внизу живота трепет, который я предпочла бы не испытывать.

Одна из девушек что-то прошептала, слишком тихо и быстро, чтобы я смогла понять.

— Молчать! — внезапно рявкнул Аллен по-французски, и его голос эхом отразился от каменных стен. — Если не хотите почувствовать удар кнута, держите рот на замке!

 Девушка, которая шептала, тут же замолчала, и её испуганный голос оборвался. В наступившей напряжённой тишине я слышала учащённое дыхание девушек вокруг меня, чувствовала запах едкого страха, исходящий от их дрожащих тел.

Аллен сделал жест, и в загон вошли несколько мужчин — по одному на каждую из девушек. Мои глаза расширились, когда я узнала в одном из них сотрудника университета. Что это за... организация... заговор... что это вообще такое?

Грубые руки Аллена схватили меня за запястья и вытянули их перед собой. Грубая верёвка впилась в мою кожу, когда он туго связал мне руки. Другой мужчина привязал к верёвкам длинную верёвку, соединив меня с другими девушками. Нас связали вместе, как животных.

Миниатюрная брюнетка стояла в начале очереди. Я оказалась в самом конце. Девушка передо мной была выше остальных, спортивная, с короткими тёмными волосами и дерзким взглядом. Я восхищалась её смелостью, хотя сама дрожала.

— Меня зовут Кристина, — прошептала она мне, повернув голову через плечо. — А ты?

— Мария, — прошептала я в ответ, пытаясь взять пример с неё.

— Ты что американка? — спросила она, широко раскрыв глаза.

Затем она вскрикнула, я услышала резкий щелчок и увидела, как что-то быстрое, тонкое и сделанное из кожи ударило Крестину прямо по ягодицам. Я тоже вскрикнула от удивления, страха и, что хуже всего, возбуждения от моих сумбурных впечатлений от удара плетью — от вида и звука... от ярко-красного пятна, которое теперь расцвело на упругой попке другой девушки.

— Молчать! — повторил Аллен.

Глаза Кристины наполнились слезами, но мне показалось, что я всё ещё вижу в них сопротивление, и я снова попытался принять эту мысль, несмотря ни на что.

Эти ужасные люди явно хотят, чтобы мы остались в живых. Это даёт нам хоть какую-то надежду, не так ли?

К моему ужасу, какая-то часть меня отказывалась считать Аллена ужасным, и я чувствовала отвращение к самому себе. С другой стороны, я без проблем называл остальных пятерых «воинов» козлами.

И эти козлы начали выводить нас из загона, дёргая за верёвку, чтобы мы шли быстрее. Мы ковыляли, шлёпая босыми ногами по холодному каменному полу. Подземное помещение переходило в извилистые туннели, освещённые мерцающими факелами. Из-за пляшущих теней всё казалось сюрреалистичным, как во сне.

Пока мы шли, я пытался осмотреться, выискивая хоть какой-то шанс на побег. Но все туннели выглядели одинаково: грубо обработанные известняковые стены, влажные от сырости, уводящие всё глубже под землю. Я быстро потеряла ориентацию.

Наконец туннель вывел нас в огромную пещеру. У меня перехватило дыхание, когда я увидела открывшееся передо мной зрелище. В центре помещения стоял огромный деревянный корабль, его нос в форме головы дракона зловеще вырисовывался в свете факелов. Тишина была гнетущей, её нарушало только наше прерывистое дыхание и мягкие шаги.

Нас провели по трапу на палубу корабля. Когда первая девушка ступила на деревянные доски, Аллен заговорил. Его голос звучал ритмично, нараспев, что напомнило мне о древней скандинавской поэзии, которой он нас учил.

— Теперь ты стоишь на священной земле, — нараспев произнёс он по-французски, стоя у руля на корме драккара, на приподнятой платформе, которой, должно быть, пользовался рулевой в море. — С этого момента ты принадлежишь Сынам Одина. Ты — постельная рабыня, наложница, как и бесчисленное множество женщин до тебя на протяжении веков.

Мой разум помутился, пытаясь осмыслить его слова. Постельные рабыни? Наложницы? Сыновья Одина? Это ведь не может быть правдой?

Пока Аллен говорил, его слова, казалось, отдавались эхом у меня в груди. Древний корабль скрипел под нашими ногами, словно пробуждаясь от долгого сна. Мерцающий свет факелов отбрасывал жуткие тени на резные деревянные доски, заставляя замысловатые узоры извиваться и танцевать.

— С этого момента, — продолжил Аллен, и его голос зазвучал почти гипнотически, — вы будете служить Сынам Одина своими телами. Вы познаете старые обычаи, истинные женские обычаи, которые ваш современный мир давно позабыл.

Моё сердце бешено колотилось в груди, по венам разливалось смешанное с ужасом и беспомощностью запретное возбуждение. Наложница! От слова «ложе»! Так называли постель в древности. То есть из меня хотят сделать подстилку, постельную принадлежность. Этот термин вызывал в воображении образы воинов-викингов, покоряющих трепещущих дев, грубые руки на нежной плоти. Я почувствовала, как мои щёки вспыхнули от стыда за то, как моё тело отреагировало на эти мысли.

— Если у вас будут дети во время службы, — продолжал Аллен, пока остальные мужчины вели нас между скамьями для гребцов, пока я, последняя в очереди, не встала рядом с самой кормовой скамьёй, ближайшей к Аллену; я не могла оторвать от него взгляд, пока его глаза

скользили по нашим обнажённым телам, — знайте, что о них будут хорошо заботиться, и вы, и мы. Сыны Одина ценят плоды сильных кровей.

Дети? Эта мысль вызвала у меня приступ паники. Мне было всего восемнадцать, и я всё ещё была девственницей. Мысль о том, чтобы забеременеть и родить ребёнка для этих странных, опасных мужчин, казалась ужасающей. И всё же какая-то глубинная, биологическая часть меня трепетала от мысли о том, что меня так основательно присвоили, что моё тело будет использовано по своему прямому назначению.

Внезапно Аллен спустился с платформы. Его рука обхватила моё плечо. Быстрым, сильным движением он оттащил меня от ряда девушек. Я споткнулась, из-за связанных рук мне было трудно сохранять равновесие на слегка покачивающемся корабле. Он потянул меня к ближайшей скамье для гребцов.

Пока мы шли, я видел, как другие мужчины делали то же самое со своими избранными рабынями. С миниатюрной брюнеткой, которая шла впереди нас, грубо обращался дородный мужчина с густой рыжей бородой. Кристину, смелую девушку, которая шла впереди меня, вёл сотрудник университета, которого я узнала. На мгновение наши взгляды встретились, в её глазах читались страх и решимость.

Мы подошли к скамейке для гребцов, и Аллен крепче сжал мою руку. Он заговорил, но не по-французски и не по-английски. Слова, слетавшие с его губ, были резкими и гортанными, с твёрдыми согласными и протяжным «р». Это был тот язык, на котором он говорил по телефону, тот, который тогда казался таким красивым и загадочным. Теперь он вызывал у меня ощущение чужеродности, полной оторванности от реальности.

Остальные мужчины ответили тем же, их голоса слились в какофонию чужих звуков, эхом разносящихся по стенам пещеры. Я не понимал слов, но тон был ясен — это была команда, приказ, которому следовало подчиниться без вопросов.

Грубо толкнув меня, Аллен уложил меня на скамью для гребли. Я почувствовала под собой грубое дерево, когда его огромные руки перевернули меня на живот, а мои связанные руки вытянулись перед собой.

Он схватил меня за плечи, уверенно расположив меня так, что я вздрогнула. Я чувствовала жар, исходящий от его массивного тела, когда он нависал надо мной, подавляя мои чувства.

— Раздвинь ноги, — хрипло скомандовал он по-английски. Когда я замешкалась, застыв от страха и стыда, он прорычал: «Ну же, Мария. Не заставляй меня брать тебя силой».

 Дрожа, я подчинилась, опустив колени по обе стороны от узкой скамьи. В таком положении я была ужасно уязвима, моя киска и даже анус были на виду. Я почувствовала прохладный воздух на своих половых губах и остро осознала, насколько я стала влажной, несмотря на свой страх. Моё лицо горело от унижения.

Руки Аллена переместились на мои запястья, направляя их ещё дальше вперёд. Я почувствовала прикосновение металла к своей коже — это было железное кольцо, вделанное в край скамьи. Быстрыми, отточенными движениями он начал привязывать меня к нему кожаными ремнями. Материал был мягким, но прочным, и я инстинктивно поняла, что из этих пут мне не выбраться.

Пока он работал, я стала обращать внимание на звуки вокруг. В пещере раздавались всхлипывания, рыдания и время от времени резкие крики от страха или боли. Я повернула голову и увидела, что других девушек тоже связали. Миниатюрная брюнетка открыто плакала, её тело содрогалось от каждого рыдания, когда рыжебородый мужчина грубо укладывал её. Кристина, напротив, была пугающе молчалива, её челюсти были крепко сжаты, и она вызывающе смотрела на своего похитителя.

Моё внимание привлёк особенно громкий вопль. Одна из девушек — стройная блондинка — вырывалась из пут, выкрикивая что-то по-французски. Её похититель ответил рез-

кой пощёчиной, которая эхом разнеслась по комнате. Крики девушки перешли в прерывистые рыдания.

Я почувствовала извращённое чувство гордости за то, что не закричала, хотя слёзы молча текли по моему лицу. Но затем Аллен положил руки мне на бёдра, слегка приподняв их, и я не смогла сдержать собственный всхлип.

— Вот так, — пробормотал он низким голосом, от которого у меня по спине побежали мурашки. — Выгни спинку. Отдайся своему господину.

Моё тело отреагировало на его приказ прежде, чем разум успел его осознать. Я обнаружила, что выгибаюсь, приподнимая бёдра и откидываясь назад. В таком положении моя задница ещё больше приподнималась, а киска становилась ещё более открытой и уязвимой. Я чувствовала, как мои губы слегка приоткрываются, и знала, что Аллен всё видит.

— Хорошая девочка, — похвалил он, и, несмотря ни на что, я почувствовала смущающее удовольствие от его слов.

Уважаемые читатели, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора! Книга написана полностью, буду выкладывать продю через день!

Глава 2

АЛЕН

Я привязал Марию к кровати, почти не задумываясь о привычных движениях своих рук, когда мои пальцы с лёгкостью управлялись с кожаными ремнями. Её прекрасная бледная кожа дрожала под моими прикосновениями, когда я разводил её колени, открывая её уязвимое лоно. Я задержался, чтобы полюбоваться видом — её округлые ягодицы высоко приподняты, розовые складки её сладкой киски блестят от возбуждения.

Пока я закреплял её колени на месте с помощью креплений, встроенных в скамью, я размышлял о своём решении сделать Марию своей постельной рабыней. Эрик, конечно, нашёл для меня другую девушку. Он всегда проявлял должную осмотрительность, проверяя покорность потенциальных рабынь с помощью проверенных временем методов Сынов Одина. Но Мария привлекла моё внимание на занятиях, её пытливый ум и едва скрываемое вожделение чем и пробудили мой интерес.

Я попросил братьев из нашего технического отдела проверить её с помощью наших алгоритмов — тех, что мы «позаимствовали» у Института. Результаты подтвердили мои подозрения: Мария была прирождённой покорной, готовой к обучению. Я планировал подождать и посмотреть, как она будет справляться в течение следующего года. Но когда она пришла в мой кабинет с явным намерением соблазнить меня сегодня вечером, я понял, что пришло время заявить на неё права.

Мои руки скользнули по изгибу её бедра, когда я завязывал последний узел. Мария тихо всхлипнула, её тело задрожало. Я чувствовал запах её возбуждения, видел, как дрожат её бедра, пока она боролась с собственным желанием. «Такая хорошая девочка, — подумал я. Такая готовая служить, даже если она ещё этого не осознаёт».

Я слышал, как вокруг меня другие воины заканчивают приготовления. В пещере раздавались тихие крики и шорох верёвок, скользящих по коже. Я выпрямился, осматривая представшую передо мной картину. Шесть молодых женщин, связанных и выставленных напоказ на древних скамьях для гребцов нашего драккара. Это зрелище могло бы воспламенить кровь любого истинного сына Одина.

Я снова встал на корме, и мой голос зазвучал ясно и громко, когда я обратился к своим братьям и нашим новым рабыням. «Настоящие воины-викинги никогда не берут силой то, что лучше и прекраснее всего, — провозгласил я. — Мы будем использовать их киски, рты и задницы только тогда, когда они будут готовы к траху».

По группе пробежала волна предвкушения. Я отдал ещё одну команду и наблюдал, как мои братья принялись за работу, их умелые руки доставляли удовольствие телам наших пленниц. Мягкие стоны Марии доносились до моих ушей, пока я ласкал её киску, мои пальцы танцевали на её чувствительной плоти. Я наклонился ближе и прошептал на своём родном языке: «Какая же ты сладкая маленькая шлюшка, Мария. Такая готовая принять большой член твоего господина».

Мария вздрогнула, услышав своё имя, и я даже подумал, что она, возможно, уже поняла значение ужасно непристойного слова «киска». Прижавшись губами к её уху, я повторил эти слова по-английски ещё тише, наслаждаясь её испуганным всхлипом. «У тебя такая милая девственная киска, Мария. Такая готовая к тому, чтобы её трахнул большой член твоего хозяина».

Выпрямившись, я поймала на себе дерзкий взгляд девушки, которую выбрал Эрик, — милой, спортивной Кристины. Её глаза сверкали от гнева, но тело предавало ее, реагируя на прикосновения Эрика явным возбужденным движением бедер.

Я снова поговорил со всеми ними.

— Не бойтесь, девочки, что ваши новые сёстры менее распутные, чем вы сами. Вам всем нужно трахаться, и сегодня вечером вы получите столько, сколько нужно вашим милым телам.

* * *

Мария

Рациональная часть моего мозга продолжала повторять вариации одной и той же темы.

О чём, чёрт возьми, он говорит?

Это чушь собачья.

Вот это какая-то безумная чушь, вот что это такое.

Что он вообще имеет в виду?

Но другая часть меня... другая часть, более глубокая... даже эта простая метафора глубины заставила моё лицо вспыхнуть сильнее, чем пылающие факелы, расставленные вокруг этого огромного святилища какого-то древнего бога.

Один. Он уже сказал тебе. Ален... твой... твой...

Мой господин. Ален, воин, которому я принадлежу... чья умелая рука так сильно шлёпала меня и так глубоко проникала в меня... как сейчас...

— О боже... — простонала я. — О боже... мой...

— Харрольд, — прорычал Ален мне на ухо. — Так ты называешь своего господина и хозяина.

Из моей груди вырвался всхлип, полный смятения, возбуждения, страха, унижения и... и... радости. Мои бёдра резко дернулись назад. Впервые в жизни, даже несмотря на запретную самостимуляцию в душе, моя киска по-настоящему нуждалась в этом.

Даже не нуждаюсь в этом... моя киска... она такая... ненасытная.

К моим щекам прилил новый прилив жара, когда я по-настоящему осознала, на самом глубоком уровне, что я — пленённая девственница, которой нужен член её хозяина внутри неё. Звуки, доносившиеся от девушек, привязанных к другим скамьям для гребцов, только усугубляли ситуацию; я сама слышала правду о том, что только что сказал нам Ален. Нам всем нужна была эта безумная, извращённая сцена, какой бы постыдной и насильственной она ни казалась стороннему наблюдателю.

Если бы я услышала, как хоть одна из других девушек — Кристина, прежде всего, — по-настоящему протестует, это могло бы отвратить меня от глубокой биологической потребности, которую пробудил во мне Ален. Вместо этого их тихие стоны, даже те, что я слышала много раз только заставляли моё дыхание учащаться, а ноющую вагину сжиматься сильнее.

Пальцы Алена замерли, а затем вышли из моей отчаянно нуждающейся в них киски. Я вскрикнула от разочарования, инстинктивно подавшись бёдрами назад в поисках его прикосновения. «Нет... пожалуйста... Харрольд...» Я захныкала, стыдясь того, как беспомощно это прозвучало.

Вокруг меня раздавались такие же встревоженные возгласы других девушек. Голос Кристины звучал отчётливо, она говорила по-французски, и хотя я не понимала слов, в её голосе слышалось отчаянное возбуждение, которое совпадало с моими собственными чувствами.

Затем снова раздался голос Алена, говорившего на своём резком, гортанном языке. Хотя я не могла разобрать слов, от властного тона у меня по спине побежали мурашки.

Воздух наполнился звуком расстегивающихся молний, за которым последовал шорох ткани. У меня перехватило дыхание, когда я поняла, что происходит. Они раздевались. Все до единого.

Я напряглась, пытаюсь выпрямить шею, чтобы посмотреть. Но из-за того, как Ален меня связал, я ничего не видела. Я могла разглядеть только грубую деревянную палубу корабля, свои связанные руки и других девушек, так же связанных на своих скамьях.

Я слышал, как миниатюрная брюнетка в дальнем конце зала тихо плакала, её тело дрожало. Но даже когда я слышала её плач, я слышал и что-то другое в её звуках. Я не мог не

представлять, как её бёдра, должно быть, двигаются такими же маленькими, произвольными кругами, как и мои. Справа от меня Кристине удалось слегка повернуть голову. Её глаза были широко раскрыты, губы приоткрыты, она смотрела на что-то — или на кого-то — позади себя.

Звуки падающей на палубу одежды эхом разносились по пещере. Моё воображение разыгралось, рисуя образы обнажённых мускулистых мужских тел. Я подумала о широкой груди Алена в его оксфордской рубашке, о мощных руках, которые так легко меня удерживали. Как он выглядел без этого цивилизованного лоска?

От этой мысли по моему телу разлилось тепло, скапливаясь внизу живота. Моя киска сжалась от пустоты, и тупая боль между ног усилилась. Я никогда раньше не видела обнажённого мужчину. Мысль о том, что сейчас я лежу связанная и обнажённая в окружении мужчин, вызывала во мне противоречивые волны ужаса и возбуждения.

Я услышала приближающиеся тяжёлые шаги, и затем надо мной снова нависла властная фигура Алена. Его большая рука легла мне на поясницу, обжигая кожу.

— Скоро, малышка, — пробормотал он низким голосом, который, казалось, вибрацией прошёл по всему моему телу. — Скоро ты узнаешь, что значит принадлежать сыну Одина.

Я задрожала, когда Алэн обошёл скамейку. Моё сердце бешено колотилось, по телу разливалось смешанное чувство страха и постыдного предвкушения. Когда я увидела его ноги, то не смогла отвести взгляд. Они были большими и мужественными, с золотистыми волосками. Мой взгляд поднялся выше, к его мускулистым икрам и мощным бёдрам.

И тут я увидел это.

Его член гордо торчал, невероятно большой и толстый. Он был полностью эрегирован, головка набухла и побагровела, на кончике блестела капелька влаги. Я ахнула, широко раскрыв глаза от шока и благоговения. Конечно, я видела схемы в учебниках по биологии, но ничто не могло подготовить меня к реальности возбуждённого мужского члена в нескольких сантиметрах от моего лица.

— Вот твой хозяин, Мария, — прогремел надо мной низкий голос Алена. — Это член, который будет принадлежать тебе, который изменит твою девственную киску так, чтобы она идеально подошла мне.

Я всхлипнула, не в силах оторвать взгляд от его внушительного мужского достоинства. Оно казалось невероятно большим — как такое могло поместиться внутри меня? И всё же моё предательское тело сжалось от желания при одной только мысли об этом.

Рука Алена легла мне на голову, его пальцы запутались в моих рыжих волосах. «Сыны Одина, — позвал он, и его голос эхом разнёсся по пещере. — Пришло время заявить о нашей собственности на этих рабынь. Пусть они признаются в своей участи и посвятят свои тела нашему служению».

Я услышала, как вокруг меня зашевелились другие мужчины, расположившиеся перед своими избранными девушками. Рука Алена сжалась в моих волосах, слегка запрокидывая мою голову, чтобы я была вынуждена посмотреть на него. Его стального цвета глаза впились в мои, наполненные первобытным голодом, от которого я содрогнулась.

Я почувствовала, как его другая рука скользнула по моей спине, и его пальцы снова нашли мои влажные складки. Я ахнула, когда он начал поглаживать мои чувствительные внутренние губы, его прикосновения были умелыми и сводящими с ума. Пока Алэн творил чудеса с моей ноющей киской, я не могла оторвать глаз от его массивного члена. К моему крайнему смущению, я почувствовала, как у меня потекли слюнки при виде этого зрелища. Что со мной не так? Как я могла так реагировать на собственное похищение, на этот странный ритуал?

Но его мужское достоинство выглядело таким мощным, таким мужественным. Толстая вена, идущая вдоль него, заметно пульсировала. Головка блестела, на кончике образовалась капля прозрачной жидкости. Я поймала себя на мысли, что мне интересно, какой у неё вкус, каково это — ощущать её на своём языке...

Я покачала головой, пытаясь отогнать эти постыдные мысли. Но умелые прикосновения Алена между моих ног не давали мне ясно мыслить.

Внезапно где-то в глубине корабля раздался мужской голос. «Я, Хенрик, заявляю права на эту рабыню, Амели, как на свою собственность. Она принадлежит мне телом и душой».

Последовала пауза, наполненная лишь тихим плачем. Затем раздался голос девушки — я предположил, что это Амели, — говорящей по-французски с дрожью в голосе. Я не мог разобрать слов, но её отчаянная нужда была очевидна.

Ален наклонился и прошептал мне на ухо перевод, от его горячего дыхания я задрожала. «Она говорит: «Мне нужно служить вам, господин Хенрик. Я обещаю ублажать вас своим телом. Я ваша, и вы можете использовать меня по своему усмотрению».

Пронзительный крик разрезал воздух, заставив меня вздрогнуть. Это был крик боли, да, но в нём было что-то ещё... удовольствие... капитуляция. Я услышала ритмичные движения мужчины, сопровождаемые всхлипываниями и стонами Амели.

— Он лишил её девственности, — пробормотал Ален, не переставая сводить меня с ума своими пальцами. — Его член сейчас в её маленькой киске. Он полностью подчинил её себе. Скоро, малышка, настанет твоя очередь.

Я всхлипнула, и мои бёдра сами собой прижались к его руке. Звуки дефлорации Амели наполнили пещеру, и я почувствовала, что становлюсь ещё более влажной. Мои соски почти болезненно напряглись, царапая грубую деревянную скамью.

Я должна была прийти в ужас, должна была изо всех сил сопротивляться своим путам. Вместо этого я почувствовала, как поддаюсь ощущениям, тёмным желаниям, которые пробудил во мне Ален. Когда крики Амели сменились безошибочно узнаваемыми стонами удовольствия, я задрожала в предвкушении собственной страсти.

МАРИЯ

Я ещё трижды слышала, как повторялся этот ритуал, как каждый мужчина заявлял о своих правах на выбранную им рабыню. Ответы девушек сливались в единый хор, полный желания и покорности на быстром французском. С каждой дефлорацией пещера снова наполнялась криками боли и удовольствия. Воздух наполнился запахом секса и пота.

Всё моё тело дрожало, пока я ждала своей очереди, а пальцы Алена продолжали свой мучительный танец на моей самой чувствительной плоти. Я была такой влажной, что чувствовала, как моё возбуждение стекает по внутренней стороне бёдер. Мои соски болели, натёртые о скамейку.

Затем я услышала голос Эрика, сильный и ясный. «Я, Эрик, заявляю права на эту рабыню, Кристину, как на свою собственность. Она принадлежит мне телом и душой».

На мгновение воцарилась напряжённая тишина. Я с трудом повернула голову и мельком увидела лицо Кристины. Её челюсть была сжата, а глаза сверкали вызовом. На мгновение у меня перехватило дыхание, и я подумала, что она может отказаться.

Но затем Кристина заговорила низким хрипловатым голосом. «Я хочу служить вам, господин Эрик. Я готова доставить вам удовольствие своим телом. Я в вашем распоряжении, чтобы вы могли использовать меня так, как вам хочется».

Мне не нужен был перевод Алена, чтобы понять смысл её слов. В голосе Кристины звучала нужда, капитуляция. Я содрогнулась, осознав, как близка была к тому, чтобы произнести те же самые слова.

За довольным ворчанием Эрика последовал резкий крик Кристины. Я услышала влажный звук его члена, входящего в неё, заявляющего на неё права. Непокорная крепость Кристины рухнула, когда Эрик начал двигаться. Её крики удовольствия эхом отдавались от стен пещеры вместе с непристойными ритмичными звуками энергичного секса.

У меня закружилась голова от звуков и запахов секса, окружавших меня. Теперь я неудержимо дрожала, отчаянно прижимаясь бёдрами к руке Алена. Мне казалось, что я сгорю, если он не овладеет мной прямо сейчас.

Словно прочитав мои мысли, Ален вытащил пальцы из моей ноющей киски. Я всхлипнула от досады, но затем почувствовала, как он двигается позади меня. Его большие руки обхватили мои бёдра, слегка приподнимая их. Я тихо вскрикнула, почувствовав, как головка его члена прижалась к моему входу, горячая и настойчивая.

— Я, Ален, — прогремел его голос, наполняя пещеру, — объявляю эту рабыню, Мария, своей собственностью. Она принадлежит мне телом и душой.

Моё сердце бешено колотилось. Вот оно. Момент истины. Я знал, что должен сказать, что я отчаянно хотел сказать. Но слова застряли у меня в горле, душили меня своей чудовищностью.

— Говори, малышка, — прорычал Ален, сильнее прижимаясь ко мне. — Признайся в своей потребности. Расскажи мне, как отчаянно тебе хочется служить своему господину.

Я прикусила губу, стыд и возбуждение боролись во мне. Но пустота в моей ноющей киске, желание наконец-то ощутить наполненность лишили меня способности сопротивляться.

— Я... Мне нужно служить тебе, Харрольд, — всхлипнула я, и слова сами полились из меня. — Пожалуйста... Мне нужно, чтобы ты использовал меня, чтобы... чтобы трахнул меня. — Моё лицо вспыхнуло, когда я произнесла это грубое слово, но одобрительный рык Алена вызвал у меня дрожь удовольствия. Однако, когда он заговорил, его голос всё ещё был суровым.

— Ты умная девочка, Мария, — сказал он, слегка предупреждая сжав мою спину. — Пообещай то, что обещали твои сёстры.

У меня внутри всё перевернулось, и из горла вырвалось тихое рыдание.

— Я... я обещаю... доставить тебе удовольствие своим телом, и... я не могла поверить в то, что слетало с моих губ, но и не могла отрицать, что моё тело требовало, чтобы я это сказала, — ...и я принадлежу тебе, чтобы ты мог использовать меня по своему желанию.

Ален крепче сжал мои бёдра, и я почувствовала, как головка его члена, мягкая, но в то же время твёрдая, настойчивее прижалась к девственному входу. Я затаила дыхание, всё моё тело напряглось от предвкушения и страха. Затем мощным толчком он вошёл в меня.

Я закричала, когда он прорвал барьер моей девственной плевы, моей девственности, моей девственности, и жгучая боль пронзила меня насквозь. На глаза навернулись слёзы, и я уткнулась лицом в связанные руки, пытаюсь заглушить свои крики. Ален был огромным, растягивая меня сильнее, чем я могла себе представить. Я чувствовала себя невероятно полной, растянутой на его массивном члене.

— Вот так, малышка, — прорычал Ален, его голос был полон вожделения. — Возьми своего господина. Теперь эта милая малышка принадлежит мне.

Он начал двигаться, слегка отстраняясь, прежде чем снова войти в меня. От каждого толчка по моему телу пробегали волны боли и удовольствия. Первоначальная агония начала утихать, сменяясь жгучим растяжением, которое балансировало на грани между дискомфортом и экстазом.

Вокруг меня я слышала, как другие девушки кричали, пока их хозяева продолжали грубо овладевать ими. Пещера наполнилась непристойными звуками секса: скрипом дерева, ворчанием и стонами удовольствия. Я улавливала обрывки фраз на французском — мольбы о большем, крики «да, господин!», отчаянные стоны желания.

Ален ускорил темп, его бёдра с силой врезались в мою приподнятую попу. Скамейка закричала под нами, древнее дерево протестовало против такого интенсивного использования. Моё тело содрогалось от каждого мощного толчка, грудь болезненно тёрлась о грубые доски.

Когда Ален жёстко овладел мной, стремясь к своему удовольствию, мои чувства, казалось, обострились. Мерцающий свет факела отбрасывал танцующие тени на стены пещеры, и внезапно я заметила то, чего раньше не видела. Камень был покрыт замысловатой резьбой — рунами и символами, глубоко вырезанными в скале.

 Мои глаза расширились, когда я увидела окружающие нас изображения. Там были сцены эпических сражений, длинные корабли, рассекающие бурные моря, и свирепые воины, размахивающие топорами и мечами. Среди военных сцен были и более интимные: мужчины и женщины в разных позах, одни нежные, другие грубые.

Я быстро заморгала, гадая, не начались ли у меня галлюцинации. Было ли что-то в дыму от факелов? Казалось, что резные фигурки двигаются и меняют положение в мерцающем свете, оживая на глазах. Я почти слышала звон стали, рёв океана, крики удовольствия, доносившиеся от резных фигур.

Одно изображение особенно привлекло моё внимание: молодая женщина, склонившаяся над скамьей для гребли, с лицом, искажённым экстазом, в то время как могучий воин овладевал ею сзади. Я с удивлением поняла, что у женщины длинные распущенные волосы, которые в свете факела казались поразительно рыжими. Неужели я видела себя?

Рука Алена внезапно запуталась в моих волосах. Вспышка возбуждения от этого маленького проявления власти вызвала внезапный оргазм, какого я и представить себе не могла. Я откинулась назад и закричала в беспомощном экстазе и поняла, что, несмотря на стыд, именно я, Мария, была привязана к скамье с членом своего господина в своей уже не девственной киске. Воин-викинг использовал меня для своих похотливых утех — как и ту девушку на картине, спустя много веков... более тысячи лет после того, как северяне терроризировали моих ирландских предков.

Однако образы Одина и Тора, набегов и путешествий викингов, казалось, перенесли меня в другой мир. Когда мощные толчки Алена сотрясали моё тело, я заметила высоко над нами изображение Одина на его сказочном шестиногом коне. Мысль о том, что мой хозяин скачет на мне, казалась чем-то большим, чем просто метафора... Я летела по небу над заснеженной землёй, над морями, полными ледяных глыб.

Я видела корабли моего господина, их носы в форме голов драконов рассекали тяжёлую волну. Свирепые воины с заплетёнными в косы бородами и сверкающими топорами спрыгивали с кораблей на чужие берега. Деревни горели, люди с криками бежали, и среди этого хаоса, с высоты, я видела, как уводили женщин — одни сопротивлялись, другие добровольно отдавались в руки своих похитителей.

Скамейка скрипела подо мной при каждом мощном толчке Алена. Древнее дерево протестующе застонало, и этот звук эхом отразился от стен пещеры. Я слышала такие же скрипы и стоны от других скамеек — какофонию напряжённого дерева, которая смешивалась с криками удовольствия и боли от других пар.

Справа от меня я услышала, как Кристина в экстазе пронзительно закричала. Непокорная девушка, казалось, полностью отдалась удовольствию, которое доставлял ей Эрик. Чуть дальше рыдания Амели сменились хриплыми стонами и мольбами о большем.

Мои собственные крики присоединились к хору, когда член Алена попал в точку глубоко внутри меня, от чего мне показалось, что моё тело вот-вот разорвётся на части. Боль от потери девственности утихла, сменившись волнами удовольствия, не похожими ни на что, что я когда-либо испытывала. Мои бёдра двигались сами по себе, подаваясь навстречу каждому толчку Алена.

Внезапно раздался голос Алена, отдающего ещё одну команду на этом северном языке, на этот раз каким-то певучим и гортанным. Я едва мог понять, что происходит. Остальные мужчины ответили хором, выражая согласие.

Я почувствовала, как член Алена вышел из меня, оставив меня в мучительной пустоте. Я захныкала от растерянности и досады, пытаясь вытянуть шею, чтобы посмотреть, что происходит. Но я ничего не видела, потому что была привязана к скамейке.

Я услышала движение вокруг себя, звук музыки. Другие девушки издавали удивлённые и встревоженные возгласы, вторя моему собственному замешательству. Что происходило? Почему Ален остановился?

Затем я почувствовала большую руку на своей ягодице и с уверенностью поняла, что это не Ален. Моё тело напряглось, и меня охватила новая волна страха. Чья это была рука? Что со мной будет?

Голос Алена прорвался сквозь мою нарастающую панику. Он говорил по-французски, его слова были чёткими и властными. «Как викинги, мы щедры к нашим братьям-воинам. Каждый из нас познает удовольствие со всеми нашими рабынями, прежде чем закончится эта волшебная ночь».

Уважаемые читатели, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора! Книга написана полностью, буду выкладывать продю через день!

Глава 3

Мои глаза расширились от шока, когда я осознала его слова. Он имел в виду...? Конечно же, нет...

Но потом я услышала, как Ален отдал ещё одну команду, и моё лицо вспыхнуло, когда я поняла, как быстро начала понимать его язык. — Кнеппе!

Чёрт. Ален только что послал своих «братьев» к чёрту. О нет что происходит...

Я ахнула, почувствовав, как в меня входит новый член, ещё более толстый, чем у Алена, но не такой длинный. Моё тело напряглось от незнакомого вторжения, но из-за влаги, которую создал Ален, этот новый мужчина вошёл плавно и легко.

— Я Эрик, брат и щитоносец Алена, — прошептал мне на ухо низкий голос с ещё более сильным акцентом, чем у Алена. — Твоя малышка почти так же мила, как моя Кристина.

От его слов меня бросило в дрожь — и от грубости, и от осознания того, что этот мужчина только что был внутри Кристины. Теперь он трахал меня, используя моё тело просто для своего удовольствия, потому что мой собственный хозяин был так щедр к нему. Я должна была почувствовать себя оскорблённой, должна была хоть что то возразить. Вместо этого я обнаружила, что прижимаюсь к нему, желая большего.

Когда Эрик начал двигаться внутри меня, ко мне вернулись странные видения. Я больше не была привязана к скамье в этой подземной пещере. Вместо этого на мгновение мне показалось, что я запуталась в ветвях огромного дерева, а затем порывистый ветер унёс меня всё дальше и дальше, пока я не оказалась на другом драккаре, и солёные брызги жалили моё лицо, пока мы рассекали океанские волны. Деревянная палуба раскачивалась подо мной в такт толчкам Эрика.

Я видела вокруг нас другие корабли, чьи драконьи головы рассекали беспокойное море. Воины стояли у бортов, их бороды развевались на ветру, топоры и мечи сверкали в лучах бледного северного солнца. Среди них я снова увидела других женщин — одни в страхе жались друг к другу, другие гордо стояли рядом со своими похитителями.

Сцена сменилась, и внезапно я оказалась в большом зале. В массивных очагах пылал огонь, отбрасывая мерцающие тени на деревянные стены. Я увидела себя там, одетую в простую льняную сорочку, среди пирующих воинов. В руках у меня были блюда с мясом и рога с элем. Когда я наклонилась, чтобы подать еду группе мужчин, я почувствовала, как грубые руки схватили меня за бёдра.

В мгновение ока моя сорочка была задрана, и я оказалась согнута над столом. Тарелки и чашки с грохотом полетели на пол, когда крепкий воин вошёл в меня сзади. Остальные мужчины подбадривали его и смеялись, выкрикивая непристойности. К своему стыду, я услышала, как мой собственный голос присоединился к их крикам, умолая о большем.

Фантазия размылась и снова сменилась. Теперь я лежала в маленькой хижине на меховой подстилке. Меня окружила группа женщин, которые бережно обтирали мой округлившийся живот тёплыми полотенцами. Я с удивлением смотрела на свой округлившийся живот, чувствуя сильные толчки растущего внутри меня ребёнка. Ребёнка воина. Наследника моего господина.

МАРИЯ

Я снова услышала голос Алена. Эрик в последний раз погрузился в меня и вышел. Кажется, прошла всего секунда, прежде чем в мою маленькую щелочку проник другой твердый член, уже третий. Я чувствовала, что становлюсь влажной. Я поняла, что мне будет неудобно ходить, когда мой господин ослабит мои путы и поднимет меня со скамьи, где он сделал из

меня женщину, но эта мысль заставила меня снова закричать и кончить под огромным членом Хенрика.

Ближе к утру всё моё тело начало болеть от непрекращающегося секса. Каждый воин-викинг по очереди брал меня, используя моё измученное тело для своего удовольствия. Растущее ощущение того, что Ален был прав насчёт меня, что каким-то образом — наряду с унижительным чувством, которое это вызывало во мне, — мне это было нужно, боролось со стыдом за то, что я потеряла девственность таким постыдным образом.

Шесть мужчин, хорошо сложенных и жестоких в своих «любовных утехах» — если я вообще могу это так назвать. Мой профессор, запретный плод моих фантазий на втором курсе. Пятеро его здоровенных, грубых друзей, с которыми я никогда не была знакома. Все они превратили нежный момент моей дефлорации в насильственную групповуху, в которой я только что стала женщиной вместе с пятью другими девушками. Все мы поклялись в полной сексуальной покорности нашим ужасающим, и похотливым господам. Я должна была почувствовать себя использованной, оскорблённой, но вместо этого я обнаружила, что какая-то часть меня бесстыдно наслаждается их вниманием.

С каждым новым проникновением моё смущение, казалось, уменьшалось, а странное чувство... принадлежности моему господину усиливалось. Принадлежности Алену и его братьям — и принадлежности к чему-то большему, чем я сама. Теперь эти мужчины были моими хозяевами, и я должна была им угождать. Я была их рабыней, и они могли делать со мной всё, что хотели. От одной этой мысли у меня по спине пробежала дрожь, и я стала ещё более влажной, чем когда-либо.

Наконец-то Ален снова оказался в моей киске. Его светлая голова появилась надо мной, когда он расположился позади меня. «Мария, — прошептал он мне на ухо, и его голос успокоил меня, — на этот раз всё будет по-другому».

Он вошёл в меня медленно, его член легко скользил внутрь благодаря обильной смазке, которую обеспечили его братья. Но на этот раз не было ни толчков, ни грубости. Вместо этого он входил и выходил с нежностью, которую я и не ожидала от такого крупного мужчины. Его руки нежно ласкали мою грудь, большими пальцами он теребил мои затвердевшие соски.

— О... Боже... — громко застонала я, когда он попал в особенно чувствительное место глубоко внутри меня. Моя спина непроизвольно выгнулась, когда волна за волной накатывало на меня удовольствие. Боль от его огромного члена, казалось, только усиливала мою потребность.

— Вот так, — пробормотал Ален мне на ухо, его голос был полон удовлетворения. — Почувствуй, как хорошо мы подходим друг другу.

Я закрыла глаза, погружившись в ужасно противоречивые ощущения, бушевавшие в моём теле. Я всхлипывала даже от этих нежных толчков, не в силах понять, как член Алена мог так хорошо ощущаться внутри меня, так правильно, и в то же время причинять такую боль. Каждый медленный толчок был болезненным, экстатическим подтверждением его права собственности, напоминанием о том, что теперь я принадлежу ему и только ему. Я бы приняла всё, что он мне давал, даже если бы ему пришлось меня наказывать. Он выбирал, куда положить свой твёрдый член, когда хлестать меня, шлёпать меня или трахать меня.

Я вскрикнула, когда меня сотряс последний оргазм, и почувствовала, как Ален замер, изливая своё семя. Его руки сжались на моей талии, и он закричал от удовольствия. Словно они ждали своего предводителя, я услышала торжествующие крики других Сынов Одина, смешанные со стонами и рыданиями девушек, которых они взяли в свою постель.

Моё лицо горело, как солнце, и всё же тепло в моей груди было совсем иного рода. Мужчина только что кончил в мою уже не девственную киску. Моя киска принадлежала ему, и

он, мой господин, мог бы зачать во мне ребёнка, если бы захотел и боги позволили семени прорасти.

Я почувствовала, как член Алена в последний раз дернулся внутри меня, прежде чем он медленно вышел. Из-за его отсутствия я ощутила странную пустоту и тихо всхлипнула от этого чувства. Всё моё тело болело, мышцы, о существовании которых я даже не подозревала, протестовали после нескольких часов активного секса.

Рука Алена легла мне на поясницу, его прикосновение было на удивление нежным. Когда он заговорил, его голос отчетливо прозвучал в пещере, французские слова слетали с его языка с раскатистым скандинавским акцентом, который я узнала лучше, чем раньше.

— Рабыни в постели, — начал он, — вы заплыли на мелководье в своём путешествии в рабство. Ваши тела были востребованы, ваша девственность отдана вашим господам. Но это только начало. На нашем большом корабле нам предстоит пересечь глубокую воду.

Я вздрогнула от его слов, мой разум помутился, пока я пыталась осознать всё произошедшее. Ощущения в моём теле были ошеломляющими: боль между ног, ломота в мышцах, липкая влага спермы и моего собственного возбуждения, покрывающая бёдра.

Ален продолжил, и его голос стал более властным. «Вы останетесь здесь, привязанные к этим скамьям, в распоряжении ваших хозяев, пока мы не доберёмся до места назначения. Помните, что ваши тела больше не принадлежат вам — они принадлежат нам, и мы можем использовать их по своему усмотрению».

Его слова эхом отозвались в пещере тихими всхлипываниями и приглушёнными рыданиями. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, а внутри меня бушует мешанина из эмоций. Логическая часть меня требовала, чтобы я протестовала, боролась с этим безумием. Она кричала от гнева на другую часть меня, которая, к моему замешательству, казалось, становилась сильнее с каждой минутой, — на безымянную, архаичную часть, которая испытывала трепет беспомощного возбуждения от мысли о том, что она полностью во власти этого человека.

Я услышала шорох одежды, когда Ален и другие Сыны Одина одевались. Их шаги эхом отдавались от каменных стен, пока они ходили по пещере, собирая свои вещи. Я вытянула шею, пытаясь разглядеть, что происходит, но из-за того, что я была связана, я не могла видеть ничего, кроме грубой деревянной скамьи подо мной.

Наконец я снова услышала голос Алена, который на этом грубом, но в то же время изящном языке обращался к своим братьям. От их одобрительного ворчания у меня по спине побежали мурашки. Затем, в последний раз погладив меня по ягодицам, отчего я ахнула, Ален отошёл.

Звук тяжёлых шагов затих, за ним последовал скрип и стук массивной двери. В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихими всхлипываниями и прерывистым дыханием других девушек.

Долгое время никто не произносил ни слова. Я лежала, прижавшись щекой к скамье, и слушала, как вокруг меня стонут другие рабыни. Воздух был пропитан запахом секса и пота, и я слышала, как время от времени жидкость капала на каменный пол под нами.

Наконец тишину нарушил неуверенный шёпот. Слова были по-французски, слишком тихие и быстрые, чтобы я могла их разобрать. Я напряглась, пытаясь уловить смысл, но слова были за пределами моего ограниченного понимания повседневной речи моих сверстников. Во мне закипело разочарование. Мне нужно было понять, установить связь с другими девочками, которые разделили со мной этот странный, пугающий опыт.

Собравшись с духом, я откашлялась и заговорила на своём ломаном французском, который преподавали в колледже. «Пожалуйста, говорите медленнее и чётче. Я плохо понимаю».

На мгновение воцарилась ошеломлённая тишина. Затем раздался резкий от гнева голос Кристины. Она говорила по-английски с сильным акцентом, но гораздо более плавно, чем я

могла бы говорить по-французски. «Ты! Ты смеешь говорить с нами? Ты, которая явно знакома с нашим похитителем?»

Я вздрогнул от яда в её голосе. — Нет, я...

— Не ври! — выпалила Кристина, переходя на английский, словно чтобы пристыдить меня. — Мы все видели, как он на тебя смотрел, как с тобой разговаривал. Ты с ними заодно, да? Ты полюбовому их... сообщница!

От её обвинений у меня на глаза навернулись слёзы. «Нет, это неправда! Клянусь вам... я не...»

— Кристина, прекрати! — вмешался другой голос — более мягкий, нежный. Амели. Она говорила по-французски медленно. — Будь добрее. Разве ты не видишь, что она так же напугана, как и мы?

Я услышала, как Кристина усмехнулась, но замолчала. Снова раздался голос Амели, на этот раз медленнее и чётче. «Мы обсуждали викингов, Мария. Их связь с этим... этим безумием».

— Мерси, Амели, — с благодарностью сказала я. — Я... я не понимаю, что происходит. Пожалуйста, скажи мне, что ты хотела сказать.

Голос Амели звучал задумчиво, когда она объясняла: «Мы говорили о нормандском наследии викингов. Как это может быть с этим связано».

Эти слова задели во мне какую-то струнку, напояв о каком-то полузабытом уроке. «Наследие викингов?» — повторил я, пытаюсь собрать воедино разрозненные фрагменты знаний, всплывающие в моей голове.

Снова раздался голос Кристины, полный презрения. Она снова заговорила на своём английском с сильным акцентом, ещё более явно насмехаясь над моим непониманием из-за того, как медленно она произносила слова. «Это читается в названии, невежественная американка. Норман. Норт-мен. Вас что, ничему не учат в ваших американских школах?» Я почувствовала, как мои щёки покраснели от смущения, но Амели снова заговорила, прежде чем я успела ответить. «Норманны изначально были датскими викингами, — терпеливо объяснила она. — Они разграбили Париж, напали на город Шартр. В конце концов, в 911 году Карл Простой отдал им земли, которые стали Нормандией, чтобы остановить их набеги».

Пока Амели говорила, в моей голове начали складываться кусочки мозаики. Лекции Алена о скандинавской культуре, древний корабль, к которому мы были привязаны, разговоры о рабах и Одине... По моей спине пробежал холодок, когда мне в голову пришла ужасающая мысль.

— Вы думаете... — нерешительно начал я, — вы думаете, что они занимаются этим... веками? Похищают девушек и... и... ну, вы понимаете...?

— Трахаться с ними? — спросила Кристина, словно возмущаясь тем, что я не могу произнести это слово или, может быть, не знаю его по-французски.

— Но, — возразил я, потрясённый догадкой, — им бы это не сошло с рук, не так ли? Не в течение столетий. Кто-нибудь бы заметил, остановил их.

Кристина резко рассмеялась. Когда она заговорила снова, её английский стал ещё более нарочитым, каждое слово сочилось презрением к моей очевидной наивности.

— Нет, если только они не очень могущественны, — сказала она. — Мы все девушки из буржуазии, но они сделали так, чтобы всё выглядело так, будто мы утонули и нас унесло в море. Для этого им нужно контролировать правительство, по крайней мере в этом департаменте.

От её слов у меня по спине пробежал холодок. Я вспомнила сотрудника университета, которого узнала среди наших похитителей. Насколько глубоко заходил этот заговор? Сколько людей было вовлечено в этот... этот культ?

— Но ведь кто-нибудь обязательно заметит, — слабо возразила я. — Наши семьи, наши друзья...

— Подумай об этом, — резко бросила Кристина, снова переходя на французский. К моему облегчению, я поняла её, теперь, когда у меня был контекст для её слов. — Сколько девушек пропадает каждый год? Сколько тел так и не находят? Было бы легко инсценировать нашу смерть, обставить всё как трагический несчастный случай.

Как бы мне ни хотелось это отрицать, я знала, что она права. Кусочки продолжали складываться в картину, слишком пугающую, чтобы её даже обдумывать. Я подумала о своей ситуации — я студентка по обмену, далеко от дома. Сколько времени потребуется, чтобы кто-то понял, что я действительно пропала, а не просто не выхожу на связь?

— Но почему? — мягкий голос Амели прервал мои сумбурные мысли. — Зачем все это? Почему именно мы?

— Власть, — мрачно сказала Кристина. — Контроль. Те же причины, по которым мужчины всегда стремились доминировать над женщинами.

Я содрогнулась, вспомнив, как Ален смотрел на меня, с каким собственническим блеском в глазах он заявлял о своих правах на меня. В этом взгляде было что-то древнее, что-то, говорившее о многовековых традициях и ритуалах.

— И... и всё, что связано с сексом, — нерешительно сказала я, краснея. — Это тоже часть этого, верно?

— Конечно, — ответила Кристина с горечью в голосе. — Что может быть лучше для утверждения власти, чем контроль над нашими телами, над нашими удовольствиями?

Я неловко заёрзала на скамейке, остро ощущая боль между ног, липкое свидетельство моего собственного нежелательного возбуждения. Меня охватил стыд, когда я вспомнила, как моё тело реагировало на прикосновения Алена, как я умоляла о большем, даже когда мой разум в ужасе отшатывался.

— Но это нечто большее, — задумчиво произнесла Амели. — Ты видела резьбу на стенах? Ритуалы, песнопения... Дело не только в сексе. Дело в... в...

— Сила, — закончил я за неё, осознавая происходящее. — Они верят, что подключаются к какой-то древней силе.

— Совершенно верно, — согласилась Амели. — Мужская сила. Как будто... как будто они хранят верность старым обычаям, старым богам, чтобы их мужественность не угасала, как это происходит во многих других местах.

К своему огорчению, я услышала в голосе Амели восхищение. Я нахмурилась, пытаюсь понять, как к этому относиться, учитывая, что такое же чувство, казалось, таилось и во мне, глубоко внутри, в моём сердце и теле.

— Фу, — сказала Кристина. — Ты ещё хуже чем Амели.

Другая девушка, та, что стояла рядом с Кристиной, заговорила. Может, это была Софи? Да, и она принадлежала воину по имени Аксель, я помню.

— Не притворяйся, что тебе было не так же хорошо, как остальным, Кристина, — сказала она с тихим напором, от которого у меня расширились глаза. — За своё неповиновение ты получишь только взбучку от своего господина.

АЛЕН

В банном зале эхом разносились шуточные хвастовства моих братьев-викингов. Гордость наполняла мою грудь при виде смеси воинственного превосходства — даже высокомерия — и нежности к их новым постельным рабыням.

Из большого бассейна с солёной водой поднимался пар, когда мы погружались в его тёплые объятия, расслабляя мышцы после бурного занятия любовью на нашей новой кровати. Запах морской соли наполнял воздух, навевая мысли о долгих путешествиях по бурным морям.

— Клянусь бородой Одина, ты слышал, какие звуки издавала моя маленькая Амели? — хвастался Хенрик, и его голос перекрывал тихий плеск воды. — Должно быть, она думала,

что я разорву её пополам, когда впервые вошёл в неё, но к концу она уже умоляла меня не останавливаться!

Вокруг бассейна раздался смех — хор низких мужских голосов, наслаждающихся нашим общим завоеванием. Я улыбнулся, вспомнив сладкие стоны моей Марии, когда я овладел её девственным телом. Её рыжие волосы сверкали, как огонь, в свете факелов, а бледная кожа покраснела от возбуждения, которое было вызвано не только страхом.

 — А что с твоей Кристиной, Эрик? — спросил я, поворачиваясь к своему брату-щитоносцу. — Смерила ли она свой дерзкий нрав?

Эрик ухмыльнулся по-волчьи и ответил: «О, сначала она притворялась, что сопротивляется, и ругалась на своём прекрасном французском. Но когда я трахнул её во второй раз, она стонала моё имя, как молитву».

Зал наполнился новым смехом, добродушными насмешками и шутками. Мы передавали друг другу рога с медовухой, поднимая тосты за наш успех и за благословение Одина.

Когда первоначальное волнение улеглось, мы заговорили о предстоящем метафорическом путешествии. После завершения ритуала очищения мы вскоре должны были вернуться к нашим рабыням, чтобы приступить к следующему этапу их обучения.

— Не могу дождаться, когда почувствую эти мягкие губы на своём члене, — задумчиво произнёс Аксель, его глаза затуманились от вожделения. — Рот Софи словно создан для того, чтобы сосать член.

По группе прокатился одобрителный ропот. Я кивнул, представляя полные, пухлые губки Марии и воображая, как они будут выглядеть, обхватывая мою мужскую плоть.

— Помните, братья, — предупредил я, и мой голос приобрёл властные нотки лидера, — дело не только в нашем удовольствии. Мы должны научить их не только доставлять удовольствие, но и мыслить так, как мы хотим: именно их разум, а не только тело, отправит их в рай.

Остальные мужчины торжественно кивнули, понимая всю тяжесть нашей ответственности. Мы не просто использовали киски, рты и — когда пришло время — задницы наших новых рабынь. Эти интимные действия, при всей их непристойности, представляли собой древнюю традицию, которая превращала молодых женщин, привязанных нами к скамьям для гребцов, в нечто гораздо большее.

Я почувствовал, как мой член напрягся при этой мысли, представляя, как у Марии слезятся глаза, когда она пытается принять меня во всей красе. Да, я бы хорошо её обучил, превратил в искусную любовницу — и, как я надеялся, и в нечто большее.

Когда мы выбрались из бассейна, и вода стекала по нашим мускулистым телам, я заметил слабое красное свечение в дальнем углу купального зала. Я нахмурился, поняв, что это сигнальная лампочка на нашей единственной уступке современным технологиям здесь, в ритуальных пещерах, — панели управления, которая соединяла наше древнейшее святилище с внешним миром.

— Братья, — позвал я, и мой голос эхом отразился от каменных стен. — Продолжайте готовиться. Мне нужно кое-что сделать.

Они кивнули, демонстрируя понимание важности моей наследственной роли лидера. Я зашагал по влажному полу, оставляя за собой мокрые следы. Подойдя к панели управления, я почувствовал, как у меня засосало под ложечкой. Мы редко получали сообщения по этому каналу — он предназначался только для экстренных случаев.

Я ввёл код доступа, и экран ожил. Мои глаза расширились, когда я увидел источник оповещения: «Северная группа». Наши предполагаемые союзники в корпоративном мире, хотя я всегда с подозрением относился к их истинным мотивам.

Сообщение было коротким, но содержательным:

Срочно: обнаружена крупная строительная площадка Преторианской гвардии вблизи Полярного круга. Возможная угроза нашим общим интересам. Требуется немедленное обсуждение.

Я нахмурился, проведя рукой по влажным волосам. Преторианская гвардия долгое время была для нас бельмом на глазу, их псевдоримская идеология противоречила нашим скандинавским традициям, из-за чего порой было трудно собирать необходимую информацию, не раскрывая себя. Однако нам удавалось скрываться от них, даже когда они работали против наших союзников. Что они могли планировать, что привлекло бы внимание «Северной группы»?

Я оглянулся на своих братьев, которые всё ещё смеялись и готовились к следующему этапу нашего ритуала. Они заслужили эту ночь триумфа, этот праздник наших древних обычаев. Но долг звал меня, и я, как их лидер, не мог его игнорировать.

Тяжело вздохнув, я напечатал краткий ответ:

Принято к сведению. Мы свяжемся с вами в течение двадцати четырех часов для обсуждения.

Я выключил терминал, и в голове у меня уже проносились возможные варианты. Что бы ни задумала Преторианская гвардия, это не сулило ничего хорошего Сынам Одина. В ближайшие дни нам нужно будет действовать осторожно.

Однако на данный момент я отодвинул эти заботы на задний план. Сегодняшний вечер был посвящён тому, чтобы подчинить себе наших рабынь, продолжить традиции, которые поддерживали нас на протяжении более тысячи лет. Завтрашний день принесёт свои испытания.

Я повернулся к своим братьям, натянув на лицо улыбку. «Идёмте, — позвал я. — Нас ждут новые рабыни. Давайте покажем им, каково это — служить Сынам Одина».

* * *

Уважаемые читатели, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора! Книга написана полностью, буду выкладывать продю через день!

Глава 4

Мария

Я напрягла слух, пытаюсь разобрать приглушённые крики, доносившиеся из соседней комнаты. Слова были неразборчивыми, но тон был безошибочно мужским — шумный, торжествующий. Мои щёки вспыхнули, когда я представила, что могли обсуждать Сыны Одина: возможно, хвастались своими новыми постельными рабынями.

До моих ушей донёсся слабый плеск, и я в замешательстве нахмурила брови. Они что... купаются? Мысль о том, что эти мощные тела погружены в воду, а капли стекают по мускулистым грудям... Я покачала головой, пытаюсь избавиться от этого неприятного образа.

— Всё это так странно, — пробормотала я скорее себе, чем остальным. — Как будто это сон в лихорадке.

— Мне нужно в туалет, — мягкий голос Амели прервал мои размышления. — О боже, мне так сильно нужно в туалет.

Я вдруг остро ощутила, что мой мочевого пузырь неприятно переполнен. Сколько времени мы здесь провели? Несколько часов? Казалось, прошла целая вечность.

 — Тихо, — прошипела Кристина. — Не дай им ещё одной причины вернуться и... и...

Она замолчала, но мы все поняли, что она имела в виду. Моё тело болело после жёсткого захвата, и я не была уверена, что смогу выдержать ещё один раунд так скоро.

— Пожалуйста, — захныкала Амели, повышая голос. — Я больше не могу терпеть. Харрольд! Пожалуйста, мне нужно в туалет!

Но Амели уже не соображала. «Харрольд» — взвыла она. «Месье, пожалуйста, позвольте мне сходить в туалет! Я вас умоляю!»

Моё сердце бешено колотилось, пока я ждала ответа, в ужасе от того, какое наказание может повлечь за собой её выходка. Но в ответ на её мольбы была лишь тишина.

Спокойный голос Софи разрядил обстановку. «Не думаю, что викинги позволят нам сходить в туалет, — сказала она как ни в чём не бывало. — Амели, тебе нужно смириться с ситуацией и расслабиться».

Я содрогнулась от её слов, мой мочевого пузырь болезненно наполнился. Мысль о том, что я обмочусь, как ребёнок, наполнила меня стыдом, но тон Софи не оставлял места для возражений. Она говорила так уверенно, так смиренно приняла нашу судьбу.

— Нет, я не могу! — всхлипнула Амели, её голос дрожал от слёз. — Я не могу! Это слишком... слишком...

На мгновение воцарилась тишина. Затем раздался холодный и суровый голос Хенрика. «Молчи, рабыня».

Воздух пронзил резкий щелчок кнута, за которым последовал мучительный крик Амели. Я вздрогнула от этого звука, напрягаясь в ожидании собственного наказания. Будет ли Ален бить и меня? Эта мысль вызвала у меня смешанное чувство страха и постыдного возбуждения.

— Ты научишься послушанию, — прорычал Хенрик, сопровождая каждое слово новой поркой. Крики Амели стали ещё более неистовыми, с её губ потоком лились французские мольбы и извинения.

Пока меня продолжали хлестать, я ощутила новое чувство. Мой мочевого пузырь, и без того болезненно переполненный, сжимался при каждом ударе кнута. Я закусил губу, отчаянно пытаюсь сдержаться, но чувствовал, что теряю контроль.

— Это часть твоего путешествия, малышка, — продолжил Ален, не переставая нежно поглаживать её. — Ты должна научиться манерам своих хозяев, и это лишь один из коротких этапов твоего путешествия.

Я почувствовала, как его другая рука легла мне на поясницу, тёплая и успокаивающая. Несмотря на смущение, я расслабилась под его прикосновением, благодарная за предложенное утешение.

«Воины, возвращавшиеся из долгого путешествия, — голос Алена стал повествовательным, глубоким и завораживающим, — щедро вознаграждали своих новых наложниц. Те женщины, которые наиболее умело ублажали своих господ, часто занимали почётные должности в клане».

Его слова напомнили мне о резных изображениях, о ярких картинах мужской храбрости и женской покорности.

— Теперь вы должны научиться выполнять эту работу, — сказал Ален, и его голос стал твёрже. — Чтобы ещё больше отдаваться нашим нуждам и нашим удовольствиям.

Его рука переместилась с моей ягодицы на бедро, и я ахнула, почувствовав, как его пальцы играют с моими всё ещё чувствительными складками. Даже несмотря на стыд из-за моего проступка и боль от недавней потери девственности, я ощутила, как внизу живота зарождается новое тепло.

— Помните, что ваши тела больше не принадлежат вам, — продолжил Ален, его прикосновения становились всё настойчивее. — Не забывайте, что теперь вы все принадлежите нам и мы можем использовать вас так, как считаем нужным. Для нашего удовольствия или для того, чтобы поддерживать огонь в наших очагах, создавать то, что нам нужно.

Я заморгала, услышав его слова, и задумалась о том, что они означают. Конечно, как и это «путешествие», «огонь в очаге», о котором говорил мой господин, был метафорой, но для чего? Ален, должно быть, хотел, чтобы я понял, что буду служить Сынам Одина более практичным образом, и я попыталась понять, что именно это может означать.

Какими бы тревожными ни были слова моего господина, я обнаружила, что прижимаюсь к руке Алена, желая большего. Моё дыхание прерывалось короткими вздохами, пока его пальцы исследовали меня, умело разжигая огонь моего возбуждения. — Вот так, малышка, — одобрительно пробормотал Ален. — Прими свою новую роль. Отбрось свой стыд и страх. Теперь есть только служение, только преданность своему господину. Через несколько мгновений ты будешь сосать мой член, пока не научишься вызывать семя и наполнять свой маленький животик. Приготовься к этой новой обязанности.

Мария

Как будто его слова разрушили какой-то последний барьер, я почувствовала, как на меня накатывает волна капитуляции. Моё тело расслабилось, полностью отдаваясь ласкам Алена. Рядом со мной я слышала приглушённый стон Кристины, как будто она изо всех сил старалась сопротивляться удовольствию и в конце концов сдалась.

Воздух разрезал резкий щелчок кнута, за которым последовал мучительный крик Кристины. Я вздрогнула от этого звука, и моё тело напряглось от сочувствия. Ещё один удар, и ещё. С каждым ударом крики Кристины становились всё более неистовыми, с её губ срывались французские мольбы и проклятия.

Но даже когда она возражала, я слышал перемену в её тоне. Непокорность исчезала, сменяясь отчаянным желанием подчиниться, угодить. Теперь я слишком хорошо знал это чувство, эти противоречивые желания, которые боролись в ней так же, как и во мне.

— Кристина, — приказал Эрик низким рычащим голосом. — Покажи мне свою покорность.

На мгновение воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Кристины. Затем я услышала тихое чмокание, за которым последовало одобрительное ворчание Эрика.

— Хорошая девочка, хорошо сосешь — пробормотал он, и я практически услышала ухмылку в его голосе. — А теперь посмотрим, как хорошо ты реагируешь на поощрение.

Потрясённый вздох Кристины быстро сменился стоном удовольствия. Я могла представить, как большая рука Эрика обхватывает маленькую киску, которую она открыла для его твёрдого члена, как его пальцы умело поглаживают и дразнят её, пока она продолжает кончать. Влажные звуки его ласк наполнили воздух, смешиваясь со всё более отчаянными стонами Кристины.

— О... о, — выдохнула она, её голос дрожал от стыда и возбуждения. — Пожалуйста... я не могу... это слишком...

Но Эрик был непреклонен. «Можешь и будешь», — прорычал он. «Кончи для меня, малышка. Покажи всем, как сильно тебе нравится быть моей маленькой грязной шлюшкой».

Крики Кристины достигли апогея, её тело явно было на грани оргазма. Я почувствовала, как в ответ нарастает моё собственное возбуждение, и бесстыдно заёрзала бёдрами по скамейке подо мной.

С последним протяжным стоном Кристина кончила. Её крики экстаза эхом отдавались от каменных стен, посылая волны удовольствия по моему телу. Я слышала, как Эрик ритмично двигает пальцами, продлевая её оргазм, пока её крики не превратились в всхлипы.

Пещера наполнилась какофонией звуков: резким щелчком кнутов, отчаянными криками других девушек и низким ворчанием мужчин, которые, казалось, в равной мере распределяли наказания и удовольствия. Я зажмурила глаза, пытаясь отгородиться от переполнявших меня ощущений, но это, казалось, только обострило остальные мои чувства.

Деревянная скамья подо мной скрипела и стонала при каждом движении, и внезапно я почувствовала, что мы действительно в море. Мысленным взором я видела волны вокруг нас и впереди, чувствовала, как солёные брызги обжигают мою кожу, пока мы плыли навстречу неизвестности. Качка, казалось, усилилась, и я обнаружила, что раскачиваюсь вместе с ней, моё тело движется само по себе.

Я остро ощущала каждую точку соприкосновения моей кожи с грубой древесиной. Зернистая текстура оставляла следы на моей плоти, помечая меня так же верно, как любое клеймо. Мои соски, уже чувствительные и набухшие, терлись о скамью при каждом движении бёдер, посылая по моему телу волны удовольствия-боли.

Рука Алена не покидала мою киску, его пальцы ласкали меня с безумным мастерством. Я чувствовала, как с каждой секундой становлюсь всё более влажной, моё возбуждение смешивалось с остатками бывшего стыда. В воздухе витал тяжёлый запах секса и пота, смешиваясь с воображаемым солёным запахом штормового моря.

Сквозь пелену ощущений я смутно осознала, что Ален двигается. Его прикосновение оставалось неизменным между моих бёдер, но я чувствовала, как он обходит скамейку. У меня перехватило дыхание, когда я поняла, что он подходит ко мне.

Я отчаянно хотела открыть глаза, чтобы посмотреть, что он делает, но страх не давал мне этого сделать. Что, если я увижу то, что не смогу забыть? Что, если, посмотрев, я сделаю это реальностью?

Но даже с закрытыми глазами я чувствовала присутствие Алена рядом со мной. Тепло его тела согревало моё лицо, и я ощущала мускусный запах его кожи — чистый после ванны, но с нотками чистой мужественности, от которых у меня внутри всё сжималось от желания.

Его свободная рука легла мне на затылок, пальцы зарылись в мои волосы. Нежное прикосновение противоречило продолжающемуся натиску другой его руки между моих ног. Я всхлип-

нула, разрываясь между желанием прижаться к его умелым пальцам и насладиться успокаивающим прикосновением к моей коже.

— Открой глаза, Мария, — приказал Ален низким хриловатым голосом. — Посмотри на своего господина.

Я дрожала, разрываясь между послушанием и ужасом. Что я увижу, когда открою глаза? Доброго профессора, которым я восхищалась издавна? Или воина-викинга, который так властно завладел моим телом?

Пока я колебалась, звуки в пещере, казалось, усилились. Я слышала приглушённые всхлипы Кристины, пока Эрик продолжал ласкать её тело, подводя к очередному оргазму. Амели стонала, пока Хенрик, очевидно, чередовал удары плетью с проникновением толстых, но ловких пальцев воина.

Медленно, нерешительно я открыла глаза. Мой взгляд скользнул по мощным ногам Алена, по его мускулистому торсу и наконец встретился с его стально-голубыми глазами. От его взгляда я задрожала, чувствуя смесь страха и возбуждения.

Но то, что гордо возвышалось между нами, по-настоящему привлекло моё внимание. Член Алена торчал всего в нескольких сантиметрах от моего лица, толстый и твёрдый, с блестящей от влаги головкой. Я ахнула, широко раскрыв глаза от увиденного. Даже после того, как я почувствовала его внутри себя, вид его мужественности вблизи был ошеломляющим.

— Это твоё новое божество, Мария, — сказал Ален низким и властным голосом. — Ты будешь поклоняться ему устами, руками, всем своим существом.

Я всхлипнула, не в силах оторвать взгляд от его внушительной длины. Часть меня содрогнулась от этой мысли, от явного богохульства его слов. Но другая часть, которая, казалось, становилась сильнее с каждой секундой, жаждала подчиниться.

Рука Алена сжалась в моих волосах, слегка запрокидывая мою голову. — Открой рот, малышка, — приказал он. — Покажи своему господину, как сильно ты хочешь ему угодить.

Я покачала головой, внезапная волна неповиновения поднялась во мне. Недавнее сопротивление Кристины эхом отозвалось в моей голове, вдохновляя меня на последнюю борьбу с окружавшим нас безумием. “Нет,” прошептала я, мой голос был едва слышен. - Я не буду. ... Я не могу...

Глаза Алена опасно сверкнули, он крепче сжал мои волосы. — Ты смеешь бросать мне вызов, малышка? — угрожающе прорычал он.

Прежде чем я успела ответить, его рука покинула мою кисть. У меня была лишь секунда, чтобы осознать потерю, прежде чем жгучая боль пронзила мою задницу. Ален откуда-то достал кнут и теперь с жестокой эффективностью хлестал им по моей обнажённой плоти.

Я закричала, дёргаясь в путах. Боль была такой, какой я никогда раньше не испытывала, — огненная линия агонии, которая, казалось, прожигала саму мою душу. На глаза навернулись слёзы, когда Ален снова и снова опускал кнут, и каждый удар посылал волны боли по моему телу.

Сквозь пелену собственных страданий я различила новые звуки неподалёку. Непокорные рыдания Кристины превратились во что-то совершенно иное. Я услышала влажные звуки секса, смешанные с приглушёнными стонами удовольствия.

— Вот так, моя маленькая бунтарка, — раздался голос Эрика, полный удовлетворения. — Возьми член своего хозяина. Вот так, глубже!

Я слегка повернула голову, пытаясь разглядеть что-то сквозь слёзы. К своему ужасу, я увидела, как Кристина обхватила губами огромный член Эрика, её щёки впали, пока она отчаянно сосала его. Рука Эрика лежала у неё на спине, а другая ритмично двигалась между её ног, умело лаская её кисть пальцами, пока она доставляла ему оральное удовольствие.

Это зрелище вызвало у меня смутное возбуждение, смешанное с болью от ударов плетью, от чего у меня закружилась голова. Глаза Кристины были закрыты в экстазе, её тело дрожало, пока Эрик всё ближе и ближе подводил её к краю.

С приглушённым криком тело Кристины напряглось. Я с благоговением наблюдала, как она снова кончила, её оргазм накатывал на неё волнами. Эрик одобрительно хмыкнул, его бёдра задвигались быстрее, пока он трахал её в рот во время оргазма.

Шлепки внезапно прекратились, и я остро ощутила своё прерывистое дыхание. Моя задница горела, и каждое лёгкое движение вызывало новую волну боли. И всё же, к своему стыду, я чувствовала, насколько я влажная, как возбуждение покрывает мои бёдра.

Рука Алена снова потянулась к моим волосам, и он снова повернул мою голову к себе. Его член навис надо мной, каким-то образом став ещё больше и внушительнее, чем раньше. — Открой. Свой. Рот. Маленькая сучка! — скомандовал он, и каждое его слово было наполнено властью.

На этот раз я не колебалась. Мои губы приоткрылись. Я открыла рот, высунула язык и осторожно коснулась кончиком члена Алена. Солёный вкус взорвался на моих вкусовых рецепторах, напомнив мне о морском воздухе, который я только представляла. Погружая его глубже в рот, я не могла не думать об источнике силы викингов: их господстве над волнами, их кораблях-драконах, уносящих свирепых воинов к далёким берегам. Конечно, эти древние завоеватели тоже вкушали дары моря. Конечно, они требовали такого же поклонения от женщин, которых завоёвывали.

От стоны удовольствия, вырвавшегося у Алена, у меня по спине пробежала дрожь. Его рука в моих волосах ослабла, став почти нежной, когда он направлял меня. — Вот так, малышка, — пробормотал он. — Покажи мне, что ты можешь как следует мне подчиняться.

Я работала губами, отчаянно посасывая его, пытаюсь взять как можно больше. Боль в моей попке, казалось, утихла, сменившись жгучим желанием проявить себя, заслужить его одобрение. Мой язык обволакивал его член, прослеживая толстую вену, идущую вдоль всей его длины.

К моему облегчению — и, как ни странно, к моему небольшому разочарованию — Ален отложил хлыст. Его теперь уже свободная рука вернулась к моей киске, пальцы затанцевали по моим набухшим складочкам. Я застонала, обхватив его член, и от этой вибрации он зашипел от удовольствия.

— Хорошая девочка, — похвалил Ален хриплым от возбуждения голосом. — Поклонись члену своего хозяина. Прояви должное уважение к инструменту твоего удовольствия и боли.

Его слова вызвали у меня смутное возбуждение. Вернулся нескончаемый поток вопросов: как я могла так себя чувствовать? Как я могла так сильно этого хотеть? И всё же я не могла отрицать, что между ног у меня влажно, что моё тело реагирует на его прикосновения и приказы.

Пальцы Алена нашли мой клитор и начали обводить его с сводящей с ума точностью. Я застонала, дёргая бёдрами в путах. Двойное ощущение его члена у меня во рту и его пальцев на моём самом чувствительном месте было ошеломляющим.

Внезапно Ален отстранился от моих губ. Я хватала ртом воздух, мои губы были опухшими и нежными. Не успела я перевести дыхание, как он снова заговорил, его тон был повелительным.

— Теперь, малышка, ты научишься по-настоящему поклоняться мне, — сказал он. — Ты будешь лизать камни, в которых хранится семя твоего господи. Посвяти себя удовольствию своего господина.

Мария

Я на мгновение замешкалась, неуверенность охватила меня. Но Ален крепче сжал мои волосы в молчаливом предупреждении. Я медленно высунула язык и провела им по тяжелому мешочку под его членом.

Здесь вкус был ещё более солёным, мускусным. Он наполнял мои чувства, заглушая всё остальное. Я лизала и посасывала, ведомая инстинктивным чувством, как доставить ему удовольствие. Благодарные стоны Алена подстёгивали меня, придавая смелости в моих исследованиях.

Я почувствовала, как Ален крепко схватил меня за волосы и направил свой огромный член обратно к моим губам. У меня заныла челюсть от непривычного растяжения, но я послушно открыла рот, отчаянно желая угодить ему. Когда толстая головка скользнула между моих губ, я снова была поражена его размером и вкусом. — Расслабь горло, малышка, — скомандовал Ален. — Ты научишься брать всё, что я даю.

Я попыталась подчиниться, сосредоточившись на дыхании через нос, пока он проникал глубже. На глаза навернулись слёзы, пока я боролась с рвотным рефлексом. Как раз в тот момент, когда я подумала, что больше не выдержу, Ален отстранился, дав мне короткую передышку, прежде чем снова войти.

Темп ускорился, и вскоре Ален уже по-настоящему трахал меня в рот. Его бёдра ритмично двигались вперёд, с каждым толчком погружая член всё глубже. Я изо всех сил старалась не отставать, лихорадочно работая языком вдоль его члена, пока он использовал мой рот для своего удовольствия.

Внезапно я снова почувствовала руку Алена у себя между ног. Его пальцы нашли мой клитор, обводя и дразня чувствительный бугорок. Я застонала, обхватив его член губами, и от этих вибраций он одобрительно застонал в ответ.

Как только я начала погружаться в удовольствие, в воздухе раздался резкий треск. По моей заднице разлилась боль, когда Ален опустил кнут. Я вскрикнула, но звук заглушил его толстый член.

— Сосредоточься, Мария, — прорычал Ален. — Твое удовольствие вторично по сравнению с моим. Служи своему господину, как и должна служить наложница.

Кнут опускался снова и снова. Каждый удар вызывал спазмы боли в моём теле, смешиваясь с удовольствием в беспорядочном вихре ощущений. Я удвоила усилия, пытаюсь принять его глубже, несмотря на дискомфорт.

Ален то ласкал мою киску, то наказывал мою попку, не давая мне привыкнуть к ритму. То я парила на волнах экстаза, пока его пальцы творили волшебство, то задыхалась от боли, когда кнут находил свою цель.

Всё это время член Алена не покидал моего рта. Он неустанно толкался, доводя меня до предела и даже дальше. У меня болели челюсти, горело горло, но я всё равно жаждала большего. Я хотела угодить своему господину, доказать, что достойна быть его рабыней.

Вокруг меня я слышала, как точно так же используют других девушек. Приглушённые стоны Кристины смешивались со всхлипываниями Софи от боли. Голос Амели перешёл в пронзительный вой, сигнализируя о её кульминации, в то время как Хенрик одобрительно засмеялся.

Первобытная энергия, казалось, наполняла пещеру, пока Сыны Одина приближались к кульминации. Мой мир сузился до огромной твердости у меня во рту и ощущений, бушующих в моем теле: боль от кнута, удовольствие от умелых пальцев Алена и глубокая, жгучая потребность доставить удовольствие своему господину, такая же безумная, какой ее считал крошечный оставшийся в моей голове голос разума.

Внезапно я услышал гортанный рык Хенрика. «Возьми это, рабыня!» — проревел он. «Проглоти каждую каплю семени своего господина!»

Приглушённые стоны Амели становились всё более неистовыми, и я мог представить, как она пытается подчиниться, принять всё, что даёт ей Хенрик. Воздух наполнился влажными звуками её глотания, перемежающимися довольными стонами Хенрика.

Затем раздался голос Акселя, полный вождения. «Вот так, Софи, — прорычал он. — Пей свою награду до дна». Софи заскулила, но я не услышал возражений — только ритмичное причмокивание, когда она выполняла приказ своего хозяина.

Один за другим Сыны Одина достигали пика. Пещера наполнилась их торжествующими криками, хором мужского удовольствия, которое, казалось, отдавалось эхом в моих костях. С каждой кульминацией я чувствовала, как член Алена дёргается у меня во рту, становясь почему-то ещё твёрже.

Эрик был последним перед Аленом. — Чёрт! — выругался он, его акцент стал сильнее от возбуждения. — Проглоти всё это, моя маленькая бунтарка. Покажи своему господину, как ты ему благодарна.

МАРИЯ

Кристина поперхнулась и закашлялась, явно не справляясь с объёмом спермы Эрика. Но вскоре её протесты стихли, сменившись характерными звуками глотания.

Наконец, настала очередь Алена. Его рука сжалась на моих волосах, удерживая меня на месте, пока его бёдра начали двигаться более беспорядочно. Боль в моей голове смешалась с жжением в горле и болью в челюсти, создавая смесь ощущений, от которых у меня закружилась голова.

— Приготовься, малышка, — прорычал Ален, и его голос прозвучал глубже и грубее, чем я когда-либо слышала. — Ты примешь каждую каплю семени своего господина. Это твоё крещение в новую жизнь, твоё перерождение в качестве моей рабыни.

Последним мощным толчком Ален до основания погрузился в моё горло. Я почувствовала, как пульсирует его член, и внезапно мой рот наполнился его спермой. Она была горячей и густой, с солёно-горьким вкусом, который ошеломил меня.

— Проглоти, — строго приказал Ален. — Будь благодарна за этот дар, Мария. Семя Сына Одина священо.

Я изо всех сил старалась подчиниться, отчаянно работая горлом, чтобы справиться с, казалось бы, бесконечным потоком. Часть его вытекала, стекая по уголкам моего рта. Я почувствовала, как Ален размазывает его по моей щеке большим пальцем, и подняла глаза, чтобы увидеть улыбку на его лице, которая доходила до самых глаз. Моё лицо горело, даже несмотря на то, что в моей груди зародилась тревожная нить благодарности.

— Хорошая девочка, — пробормотал Ален. — Не могу дождаться, когда ты окажешься в моей постели и у моего очага.

Уважаемые читатели, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора! Книга написана полностью, буду выкладывать продю через день!

Глава 5

Он отступил назад, и, к моему смущению, я почувствовала укол сожаления из-за того, что его мужское достоинство больше не было у меня во рту. Мысль о том, что я могла бы таким ужасно раболепным способом доставить удовольствие такому умному, сильному мужчине своим телом и что он так наслаждался, используя меня, вызвала у меня тепло в груди, которое я не могла объяснить.

«Нет, — сказал я себе, — может, ты и не можешь это объяснить, но ты можешь сопротивляться этому, не так ли? Или хотя бы попытаться?»

Ален погладил меня по плечу, по-прежнему с улыбкой глядя мне в лицо. Затем он резко отошёл к корме лодки и снова взялся за штурвал. Я едва могла разглядеть его, вытянув шею, но боль в шее не мешала мне смотреть: мой хозяин, огромный и мускулистый, обнажённый и властный, явно готовился обратиться к своей команде викингов.

Он говорил на своём родном языке, и грубая музыка его интонаций вдруг показалась мне знакомой, хотя я узнавала лишь отдельные слова. Затем он перевёл на чистый французский, от которого я покраснела.

— Девочки, я только что сказал своим братьям, что наша родина уже видна за морем. Мы хорошенько вас оттрахали и научили ваши киски и рты принимать нас так, как нужно. Пусть боги благословят ваши утробы и даруют им рост, если такова их воля. Когда мы доберёмся до берега, мы приведём вас в наши дома и научим вас вашим обязанностям там. Перед сном каждый из вас получит семя своего Харольда в зад, когда он окончательно овладеет вами, а вы окончательно подчинитесь.

Я услышала, как ахнули другие девушки. Справа от меня Кристина издала горловой звук.

— Не притворяйся, что тебе это не нужно, девочка, — прорычал Эрик. Я услышала, как его рука опустилась на задницу Кристины, а затем — влажный звук, с которым её хозяин ласкал её киску. Кристина застонала, а затем стон превратился в тихий плач, и я почувствовала, что Эрик засунул палец в её самое сокровенное место, чтобы научить свою рабыню новым обязанностям. Мои бёдра дернулись на скамье, и я не смогла сдержать собственный всхлип от этой постыдной мысли.

— Мария, — услышала я голос Алена прямо перед собой. Я поняла, что он, должно быть, вернулся с кормы, пока я была сосредоточена на Кристине. Я посмотрела на него, и моё лицо вспыхнуло от смущения и возбуждения. Его голубые глаза впились в мои, когда он заговорил.

— Мария, я не могу дождаться, когда трахну тебя в задницу, — сказал он низким хриплым голосом. — Чтобы забрать твою последнюю девственность и сделать тебя по-настоящему моей.

Я всхлипнула, не в силах отвести взгляд от его пристального взгляда. Часть меня хотела возразить, умолять его не совершать этот последний унижительный поступок. Однако звуки, доносившиеся со скамьи рядом с моей, пробудили совсем другую часть меня.

Большая рука Алена легла мне на поясницу, успокаивающе поглаживая её, пока он говорил. «Расслабься, малышка. Я буду с тобой, так что не нужно удивляться; просто решишь подчиниться, потому что у тебя нет выбора».

Я почувствовала, как его другая рука опустилась ниже, пальцы скользнули по расщелине между моих ягодич. Когда они достигли моей сжавшейся дырочки, я не смогла сдержать дрожь от страха и предвкушения.

— Ш-ш-ш, — пробормотал Ален. — Дыши глубже. Позволь своему телу открыться для меня.

Его палец обвёл мой анус, слегка надавливая. Я попыталась подчиниться, расслабиться, как он велел, но это было так трудно. Это было совсем неправильно, не так ли? Так ужасно неправильно...

И всё же, когда палец Алена проник в меня, медленно скользя в моей попке, я не смогла отрицать вспышку удовольствия, пронзившую меня. Я ахнула, непроизвольно дёргая бёдрами на скамейке.

— Вот так, — похвалил Ален. — Почувствуй, как твоё тело приветствует меня даже здесь.

Справа от меня раздался голос Эрика, строгий и властный. «Скажи мне, что тебе нужно, Кристина. Произнеси эти слова».

Ответом Кристины было рыдание. «Пожалуйста, ... Я не могу...»

Резкий хлопок ладони по плоти заставил меня вздрогнуть. — Можешь, и будешь, — прорычал Эрик. — Скажи это!

— Я... Мне нужно... — Голос Кристины дрогнул от стыда и желания. — Мне нужен твой член в моей заднице, мой господин. Пожалуйста!

Эрик удовлетворенно хмыкнул, и Кристина вскрикнула — от боли или от удовольствия, я не могла понять, — когда он раздвинул ее еще шире.

Я слышал, как другие мужчины ласкали тела своих девушек, готовя их к этому финальному акту. Хриплые стоны Амели смешивались со всхлипываниями Софи и тихими поощрениями их хозяев.

Ален добавил второй палец, растягивая меня ещё больше. От ощущения жжения я ахнула, но оно не было совсем неприятным. Пока он растягивал меня, его другая рука скользнула вперёд, безошибочно найдя мой клитор.

— О боже, — застонала я, выгибая бёдра навстречу его прикосновениям. Двойные ощущения были ошеломляющими: растяжение и жжение в моей попке, толчки удовольствия в клиторе.

— Вот так, малышка, — пробормотал Ален.

Я больше не могла сдерживаться. Мои бёдра яростно задвигались на скамье, когда меня охватило сильное удовольствие. Я закричала, и мой голос эхом отразился от каменных стен, когда я достигла кульминации, всхлиывая от удовольствия.

— О боже, о боже, — стонала я, моё тело бесконтрольно содрогалось. Пальцы Алена не переставали двигаться, продлевая мой оргазм до тех пор, пока я не подумала, что могу разлететься на миллион кусочков.

Когда последние толчки утихли, я рухнул на скамейку, тяжело дыша. Мой разум помутился, пытаясь осознать только что произошедшее. Как что-то настолько неправильное могло быть таким невероятно приятным?

Глубокий смешок Алена вернул меня в реальность. «Хорошая девочка, — проворковал он, успокаивающе поглаживая меня по спине. — Ты хорошо угодила своему хозяину».

Прежде чем я успела ответить, раздался голос Алена, обращавшегося к другим Сынам Одина на этом суровом, прекрасном языке. Затем он перевёл для нас, рабынь:

— Братья, время пришло. Развяжите своих женщин и приведите их в наши дома. Там мы закончим их обучение и сделаем их по-настоящему нашими.

Я услышала шорох вокруг себя, когда мужчины начали освобождать других девушек от пут. Крупные руки Алена быстро развязывали кожаные ремни, которые так долго удерживали меня на месте. Когда последний узел был развязан, я попыталась подняться, но мои руки дрожали от слабости.

Ален не колебался. Одним плавным движением он подхватил меня на руки, словно я ничего не весила. Я ахнула, инстинктивно обнимая его за шею для поддержки. Моё обнажённое тело прижалось к его груди, и я почувствовала ровное биение его сердца.

Когда Ален уносил меня со скамьи, я мельком увидела других девушек, которых уносили их хозяева. Кристина слабо сопротивлялась в объятиях Эрика, но её сопротивление казалось в лучшем случае вялым. Амели прижалась к Хенрику, уткнувшись лицом в его плечо. Софи казалась почти спокойной в объятиях Акселя.

Мы вышли из ритуального святилища и вошли в длинный коридор, вырубленный прямо в скале. Вдоль стен мерцали факелы, отбрасывая танцующие тени, которые, казалось, оживали в тусклом свете. Чем глубже мы спускались под землю, тем холоднее становился воздух, и я задрожала, прижимаясь к теплому телу Алена.

Коридор разветвлялся на более узкие проходы, каждый из которых вёл к тяжёлой деревянной двери. Когда мы подошли к одной из таких дверей, Ален остановился, переложив меня на руки, чтобы освободить одну руку. Он толкнул дверь, и за ней показалась комната.

— Добро пожаловать в мой дом, малышка, — пробормотал Ален, занося меня внутрь.

Я перенёс Марию через порог моего дома, высеченного в известняке под скалистым берегом. Я чувствовал, как её маленькое тело дрожит у меня на груди. Войдя внутрь, я наслаждался знакомым запахом дуба и кожи, наполнявшим воздух. Мерцающий свет очага отбрасывал танцующие тени на каменные стены, освещая замысловатые гобелены, изображавшие сцены из нашей славной скандинавской истории.

Мой взгляд упал на седло для невесты — его прочную деревянную раму, украшенную мягкими кожаными ремнями. Оно стояло в центре комнаты, символизируя моё превосходство и новообретённое подчинение Марии. Не колеблясь, я направился к нему, всё ещё держа Марию на руках.

— Это будет твоё место для тренировок, малышка, — пробормотал я, осторожно усаживая её в седло.

Мария тихо всхлипнула, когда я начал привязывать её к раме. Кожаные ремни зашелетели по её бледной коже, когда я затягивал их, чтобы она была открыта и уязвима передо мной. Её изумрудные глаза, широко раскрытые от страха и возбуждения, не отрывались от моего лица, пока я работал.

Убедившись, что она связана, я сел в богато украшенное кресло, стоявшее напротив седла для невесты. Древнее дерево слегка скрипнуло под моим весом, напомнив мне о поколениях Сынов Одина, которые сидели здесь до меня, обучая своих рабынь.

— Иди сюда, Мария, — скомандовал я, жестом приглашая её наклониться вперёд. — Покажи своему господину, как сильно ты хочешь ему угодить.

Она нерешительно вытянула шею, приблизив лицо к моим коленям. Я чувствовал, как её тёплое дыхание касается моего члена, уже наполовину твёрдого от предвкушения.

— Вот так, — подбодрил я её, проводя пальцами по её огненным волосам. — Поцелуй меня. Поклонись своему господину своим ртом. Приготовь меня для себя и покажи, чему ты научилась в своём путешествии.

Мария высунула язык и принялась восхитительно облизывать мой набухший член, затем осторожно коснулась моих яичек. Я одобрительно застонал, чувствуя, как полностью твердею под ее ласками. Когда она осмелела и взяла одно яичко в рот и нежно пососала его, я заговорил.

— Ты можешь подумать, малышка, что тебя и других девушек привели сюда только для того, чтобы удовлетворить наши плотские желания, — сказал я низким и ровным голосом, несмотря на охватившее меня удовольствие. — Но у Сыновей Одина есть гораздо более важная цель.

Мария подняла глаза и встретила взглядом с моим. В её взгляде любопытство смешивалось с беспомощным возбуждением. Я улыбнулся и продолжил объяснять, а она снова пере-

ключила внимание на мой уже затвердевший член, проведя маленьким розовым язычком по толстой вене вдоль его длины.

— С самого начала, более тысячи лет назад, мы работали над спасением цивилизации, — сказал я ей, слегка сжав её волосы. — Изначально это означало сохранение наших обычаев, и тогда мы стали норманнами. Но на протяжении тысячелетия такие мужчины, как я, стремились найти идеальный баланс между воинственной природой мужской биологии и благородным стремлением делать лучше, быть лучше — балансу вселенной, который возникает благодаря нашему доминированию и покорности наших постельных рабынь.

Я сделал паузу, наслаждаясь ощущением, когда Мария, краснея, словно от собственной смелости, полностью взяла меня в рот, сделав его тёплым и гостеприимным для члена своего господина.

— Какая ты хорошая девочка, — пробормотал я, поглаживая её по шее, пока она занималась своим непристойным делом. — Ты так быстро учишься. Ты словно бархат в моих руках.

Другой рукой я провёл по её спине, чтобы приласкать её милую маленькую попку, всё ещё розовую от порки, которую я ей устроил на скамье для гребцов на ритуальном корабле. Я положил палец на её крошечный, сжавшийся анус, чтобы напомнить ей о трудной обязанности, которая её ждала, и Мария ответила покорным, испуганным всхлипом, от которого мой член запрыгал между её губ.

— Да, малышка, — строго сказал я ей. — Я скоро буду и здесь. Ты будешь моей во всех смыслах.

* * *

МАРИЯ

Я едва могла понять смысл слов Аллена, настолько меня возбудило то, что меня связали и усадили на непристойное седло, заставили так нежно ласкать его огромный, твёрдый член и так унижительно хвалили за моё растущее мастерство.

Я почувствовала, как Аллен поднимается со стула, и его член выскользнул из моих губ, когда он встал. Моё лицо вспыхнуло от стыда, когда я услышала его шаги позади себя. Я точно знала, что он увидит: мои самые интимные места, обнажённые и уязвимые, всё ещё блестящие от возбуждения после его собственных недавних удовольствий.

Меня охватило чувство стыда, когда я представила, как Аллен разглядывает мою раздвинутую киску и сжавшийся анус. И всё же вместе со стыдом меня охватила волна беспомощной привязанности. Как я могла так чувствовать себя по отношению к своему похитителю? К мужчине, который лишил меня девственности и собирался лишить меня последней невинности? В этом не было смысла, и всё же я не могла отрицать тепло, разливающееся в моей груди.

— О, Мария, — раздался позади меня низкий голос Аллена. — Ты так прекрасна. Твоя маленькая киска идеальна — розовая и блестящая, жаждущая моих прикосновений.

Я тихо всхлипнула, и моя киска сжалась от его слов.

— И твой милый маленький бутончик, — продолжил он, нежно надавливая пальцем на обнажённое отверстие. — Такой крошечный и нетронутый. От одного взгляда на него у меня стоит, и я знаю, что буду первым мужчиной, который овладеет тобой здесь.

Все мое тело вспыхнуло от его непристойных похвал. Я зажмурилась, охваченная противоречивыми эмоциями: стыдом, возбуждением и этой проклятой привязанностью, которую я не могла подавить.

— Ты дрожишь, малышка, — пробормотал Аллен, положив свою большую руку мне на поясницу. — Тебе страшно?

— Д-да, — тихо ответила я.

— Хорошо, — ответил он, и я услышала улыбку в его голосе. — Небольшой страх — это нормально. Анальный секс будет болезненным, особенно в первый раз. Но знай, что я позабочусь о тебе, Мария. Теперь ты моя, и я буду защищать тебя, а также использовать. Тебе будет

легче, если ты будешь знать, что у тебя нет выбора; ты будешь принимать член своего господина в свою задницу, когда я захочу.

Его слова вызвали во мне новую волну смущения. Как он мог говорить о защите, когда собирался лишить меня девственности самым интимным способом? И всё же... Я не могла отрицать чувство безопасности, которое испытывала в его присутствии, даже будучи связанной и беспомощной.

Я почувствовала, как рука Аллена нежно погладила мою ягодицу, и это прикосновение одновременно успокоило и возбудило меня. Когда он снова заговорил, его голос был мягче, в нём звучала эмоция, которую я не могла определить.

— Мария, моя милая, — пробормотал он, — я хочу, чтобы ты знала, что ты уже превзошла мои ожидания. Твоя покорность, твоё желание угодить — всё это очень для меня приятно.

Я покраснела от гордости за его слова, хотя в глубине души мне было неприятно, что я так легко принимаю его похвалу.

— Я понял, что вы особенная, в тот момент, когда увидел тебя в аудитории, — продолжил Аллен. — Но я не был уверен, что ты вступишь в наш мир, в нашу великую миссию.

Его рука скользнула по моей спине, пальцы очертили мой позвоночник так, что я задрожала. «Ты будешь не просто превосходной рабыней в моей постели, Мария. Я верю, что у тебя есть потенциал стать кем-то большим. Вёльва из рода Сыновей Одина».

У меня перехватило дыхание. — Вёльва? — прошептала я, испытывая замешательство и любопытство. — Что ты имеешь в виду?

Аллен тихо усмехнулся. «Ах, ты всегда такая любопытная. Это одна из вещей, которыми я восхищаюсь в тебе». Его рука вернулась к моей ягодице, нежно разминая плоть. «Вёльва — это своего рода помощница, особая постельная рабыня, которая помогает нам в достижении наших целей, малышка. Тот, кто помогает нам в нашей миссии по спасению цивилизации».

Спасти цивилизацию? Эти слова эхом отдавались в моей голове, вызывая вихрь вопросов. Что он имел в виду? Как похищение и... и насилие над молодыми женщинами могут помочь спасти цивилизацию?

Прежде чем я успела озвучить какую-либо из этих мыслей, я услышала, как Аллен плюнул. От этого влажного звука я напряглась, понимая, что сейчас произойдёт.

— Расслабься, Мария, — пробормотал Аллен низким успокаивающим голосом. — Будет немного неприятно, но я обещаю, что потом тебе понравится, когда тобой полностью овладеют возбуждение.

Я услышала, как Аллен смачивает свой огромный член слюной. Моё сердце бешено колотилось, меня охватила смесь страха и постыдного предвкушения.

— Помни, — сказал Аллен, становясь позади меня, — теперь ты моя. Во всех смыслах. Это лишь последний шаг к тому, чтобы полностью завладеть тобой.

Я почувствовала, как тупая головка его члена прижалась к моему девственному анусу, и не смогла сдержать испуганный всхлип.

— Попроси об этом, Мария, — приказал Аллен низким и суровым голосом. — Попроси своего господина взять тебя сзади.

Я всхлипнула, стыд и возбуждение боролись во мне. Как он мог ожидать, что я попрошу об этом? Это было слишком унижительно, слишком непристойно. И всё же... Я поймала себя на желании угодить ему, доказать свою покорность.

— Пожалуйста, — прошептала я едва слышно.

— Громче, — прорычал Аллен, усиливая давление на моё неподатливое отверстие. — Скажи мне точно, чего ты хочешь.

Я зажмурила глаза, собрав остатки мужества. «Пожалуйста, Харрольд, — сказала я дрожащим голосом. — Пожалуйста... возьми меня сзади. Сделай меня полностью своей».

— Хорошая девочка, — промурлыкал Аллен, толкаясь ещё сильнее, преодолевая сопротивление моего тела.

Пока он растягивал меня таким постыдным образом, который я когда-либо представляла лишь в крошечных, унижительных вспышках запретных фантазий, я поймала себя на том, что цепляюсь за его прежние слова о спасении цивилизации. Что бы он ни имел в виду, какую бы роль он ни отводил мне в этом безумии, я отчаянно надеялась, что это придаст какой-то смысл тому, что со мной происходит. Какую-то цель, помимо того, чтобы быть игрушкой для этих воинов-викингов.

— Ш-ш-ш, — успокаивал меня Аллен, поглаживая свободной рукой по спине. — Твое тело знает, как это сделать.

Я задрожала, почувствовав, как он снова усилил давление. Моё тело инстинктивно напряглось, сопротивляясь вторжению. Затем я вскрикнула, когда головка его члена прорвала моё тугое мышечное кольцо. Жгучая боль была не похожа ни на что, что я когда-либо чувствовала. На глаза навернулись слёзы, когда Аллен продолжил проникать глубже, наполняя меня до предела.

— О боже, — всхлипнула я, вцепившись пальцами в кожаные ремни, которыми было пристёгнуто седло. — Это слишком, я не могу...

— Ш-ш-ш, — снова сказал Аллен, поглаживая меня по пояснице. — Дыши, малышка. Твоё тело создано для этого.

Я попыталась сосредоточиться на своём дыхании, заставляя мышцы расслабиться. Аллен двигался медленно, давая мне время привыкнуть к каждому новому сантиметру. Боль была сильной, но под ней ощущалась странная наполненность, от которой по моему телу пробегали искры смутного удовольствия.

Наконец, спустя, казалось, целую вечность, я почувствовала, как бёдра Аллена прижались к моим ягодицам. Он полностью вошёл в меня, растягивая до предела.

— Вот так, — пробормотал он с удовлетворением в голосе. — Ты взяла меня всего, Мария. Такая хорошая девочка.

Я всхлипнула от его похвалы, чувствуя прилив гордости, несмотря на дискомфорт. Я угодила моему господину. Я полностью подчинилась.

Я почувствовала, как руки Аллена нащупали ручки, встроенные в боковые части седла для невесты. Я ощутила, как он крепко сжимает их, используя как рычаг, и медленно выходит из меня. Ощущение его члена, скользящего по моим внутренним стенкам, заставило меня ахнуть.

 — Клянусь Одином, — простонал Аллен, снова входя в неё. — Ты такая тугая, малышка. Такая идеальная маленькая попка.

Он начал двигаться более уверенно, задавая ритм. Каждое его движение вызывало спазмы ощущений в моём теле — боль и удовольствие переплетались так тесно, что я больше не могла их различить.

— О! — вскрикнула я, невольно выгибая спину. — Харрольд, пожалуйста!

— Вот так, — прорычал Аллен. —

Когда толчки Аллена стали более сильными, я внезапно ощутила новое чувство. Что-то давило на мой клитор — маленький твёрдый выступ, которого я раньше не замечала. С каждым мощным движением Аллена моё тело подавалось вперёд, заставляя этот маленький выступ восхитительно тереться о мою самую чувствительную точку.

— О! — ахнула я, инстинктивно двигая бёдрами, чтобы усилить трение.

Двойное ощущение было ошеломляющим: огромный член Аллена растягивал мою девственную попку сильнее, чем я могла себе представить, и эта неожиданная стимуляция моего

клитора. Несмотря на сохраняющийся дискомфорт, я чувствовала, как быстро нарастает моё возбуждение.

Я бесстыдно прижалась к седлу, стремясь к удовольствию, которое быстро затмевало боль. Моя киска сжималась и трепетала, отчаянно нуждаясь в стимуляции. Я чувствовала, как с каждой секундой становлюсь всё более влажной, как моё возбуждение покрывает кожу подо мной.

— Вот так, малышка, — одобрительно прорычал Аллен. — Ты нашла утешение для невесты. Почувствуй, как это помогает твоему телу принять меня даже в самой маленькой твоей дырочке.

Его слова вызвали во мне новый прилив смутного желания. Я застонала, разрываясь между стыдом и отчаянной потребностью. Маленькая кнопочка, казалось, была идеально расположена, чтобы свести меня с ума, и я поймала себя на том, что раскачиваюсь назад, навстречу толчкам Аллена, а затем вперёд, чтобы потереться о неё.

— О боже, — простонала я, едва узнавая свой голос. — О, пожалуйста, Харрольд...

Я чувствовала, как поднимаюсь всё выше и выше, а удовольствие нарастает до почти невыносимой кульминации. Мои внутренние стенки ритмично сжимались вокруг вторгшегося в меня члена Аллена, усиливая каждое ощущение. Я была так близка, балансируя на грани того, что обещало стать потрясающим оргазмом. В то же время ко мне вернулось то ощущение, которое я испытала, привязав себя к скамье для гребли, — как будто моё подчинение каким-то образом перенесло меня в другое место. Мне снова показалось, что я вижу огромное дерево и слышу шум ветра в его ветвях.

— Мария, — суровый голос Аллена прорвался сквозь пелену моего возбуждения. — Не кончай, пока я не разрешу. Покажи мне, что ты можешь контролировать себя ради своего господина.

Я всхлипнула от разочарования, но мои бёдра продолжали двигаться сами по себе. — Пожалуйста, — взмолилась я, уже не стыдясь. — Пожалуйста, Харрольд, мне нужно кончить. Я не могу... Я не могу сдерживаться...

Рука Аллена резко опустилась на мою ягодицу, и острая боль на мгновение отвлекла меня от нарастающего удовольствия. — Ты будешь ждать, — приказал он. — Докажи мне, что ты достойна быть чем-то большим, чем просто рабыня в постели.

Я сильно прикусила губу, сосредоточив всю свою силу воли на том, чтобы сдержать надвигающуюся кульминацию. Это была самая изысканная пытка, которую я когда-либо испытывала, — я разрывалась между неумолимой стимуляцией и необходимостью подчиняться своему господину. Странное видение манило меня, даже когда напряжение, казалось, удерживало меня на расстоянии от огромного дерева.

По моему лицу текли слёзы, пока я боролась с требованиями своего тела. «Пожалуйста, — всхлипывала я. — Пожалуйста, Харрольд, я сделаю всё. Просто позволь мне кончить. Мне так сильно это нужно».

Толчки Аллена стали ещё сильнее, и я плотнее прижалась к седлу. Я всхлипывала от желания и от усилий сдержать его.

Затем, наконец, «Кончи для меня, малышка», — прорычал Аллен, его голос был хриплым от страсти. «Покажи мне, как сильно тебе нравится принимать член своего хозяина в свою тугую маленькую попку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.